ЧТЕНІЯ И БЕСѢДЫ ВЪ СОЮЗѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВА.

ВЫПУСКЪ I.

РЕВНИТЕЛИ РУССКАГО СЛОВА

ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ.

Рѣчь

Ѳ. А. Витберга.

„.... берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ чьѣ которыхъ блистаетъ опять-таки Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этихъ могущественнымъ орудіемъ; въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса“ (И. С. Тургеневъ, Сочин., изд. 1880, т. I, стр. 108).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія „В. С. Балашевъ и К^о^“. Фонтанка, 95
1899

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, январь 1899 г.

611
37

Извлеченіе изъ предлагаемаго очерка было прочитано въ первомъ открытомъ засѣданіи Союза ревнителей русскаго слова 25-го марта 1898 года.

27-го января 1897 года господиномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ уставъ „Союза ревнителей русскаго слова“. Цѣли его такъ опредѣлены въ §§ 1, 2 и 3 устава:

„Союзъ ревнителей русскаго слова ставитъ себѣ цѣлью пробуждать въ русскомъ обществѣ уваженіе къ самобытности и кореннымъ свойствамъ русской рѣчи, поддерживать и развивать любовь къ ней, способствовать сближенію книжнаго языка съ народнымъ и тѣмъ содѣйствовать выработкѣ общепонятнаго русскаго языка, какъ главнѣйшаго орудія распространенія просвѣщенія во всѣхъ слояхъ русскаго народа.

„Ближайшая задача Союза состоитъ въ изысканіи мѣръ къ освобожденію нашего современнаго языка отъ *излишнихъ* иностранныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, въ посильной разработкѣ богатствъ русскаго народнаго языка и въ усиленіи этимъ путемъ его образовательнаго значенія въ семьѣ и школѣ.

„Для исполненія этой задачи Союзъ заботится о выясненіи, въ какомъ именно значеніи употребляются иностранныя слова въ нашей книжной рѣчи; о замѣнѣ ихъ равнозначущими русскими, о составленіи соотвѣтствующихъ цѣлямъ Союза словарей; а также оказываетъ содѣйствіе къ соблюденію чистоты русскаго языка въ народныхъ книгахъ и учебникахъ“.

Невольно возникаетъ вопросъ: зачѣмъ понадобился такой Союзъ? Неужели въ настоящее время можно серьезно говорить о необходимости пробуждать въ русскомъ обществѣ „уваженіе къ самобытнымъ и кореннымъ свойствамъ русской рѣчи?“ Неужели надо въ настоящее время „поддерживать и развивать любовь къ ней?“ Неужели и въ настоящее время приходится еще „содѣйствовать выработкѣ обще-

понятнаго русскаго языка?“ И это послѣ цѣлаго ряда такихъ писателей, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, Майковъ, Островскій, графъ Л. Н. Толстой, въ произведеніяхъ которыхъ русскій языкъ именно и достигъ своего полнаго развитія и является во всей силѣ своей красоты и выразительности, во всемъ разнообразіи своихъ природныхъ свойствъ!

Но что же тутъ страннаго?! Въ сочиненіяхъ нашихъ писателей русскій языкъ дѣйствительно является во всемъ своемъ блескѣ, но онъ въ нихъ и остался и, къ сожалѣнію, далеко еще не перешелъ въ общее употребленіе, не сдѣлался общимъ достояніемъ.

Такъ было восемьдесятъ семь лѣтъ тому назадъ, почти такъ это и теперь. Въ 1812 году одинъ изъ членовъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности, извѣстный профессоръ Московскаго университета А. Ѳ. Мерзляковъ, говорилъ въ Обществѣ рѣчь, въ которой, между прочимъ, провелъ такую параллель:

„Можно сравнить въ настоящее время свѣдѣнія наши объ обширномъ языкѣ россійскомъ съ свѣдѣніями о пространной Россійской имперіи. По сю пору различные ея климаты, ея безчисленныя произведенія, самые народы, ее населяющіе, нравы ихъ и обычаи знакомы намъ только поверхностно. Лепехины, Крашенинниковы, Палласы, Мусины-Пушкины протекли только по общимъ путямъ сего обширнаго океана; ихъ открытія, сколько ни важны,—по собственному признанію наблюдателей,—только начатки открытій...

...Такъ и въ словесной области,—говорилъ Мерзляковъ,—Ломоносовы, Сумароковы, Херасковы, Державины, Петровы то же въ литературѣ, что Лепехины и его товарищи въ испытаніи природы. Они открываютъ намъ чудесное великолѣпіе языка; но они всѣ испытали токмо одинъ рудникъ: стихотворство; мы не знаемъ его въ другихъ отношеніяхъ. У насъ нѣтъ Локковъ, Невтоновъ, Монтескье, Дюмарсе, Кантовъ, Лавуазьеровъ“.

Это указаніе Мерзлякова на узкость и ограниченность той области, въ которой совершенствуется нашъ языкъ, не потеряло своего значенія и до сихъ поръ. Наши великіе писатели говорятъ прекраснымъ, чистымъ, изящнымъ, выразительнымъ русскимъ языкомъ, но мы-то всѣ говоримъ далеко не такимъ языкомъ; мы только наслаждаемся имъ въ произведеніяхъ нашихъ писателей, а сами продолжаемъ довольствоваться языкомъ, насквозь наполненнымъ нерусскими словами, оборотами и выраженіями, различными „выдуманными“ словами,

темными, малопонятными фразами. Не даромъ же раздаются безпрестанно жалобы на языкъ нашихъ газетъ и журналовъ, на языкъ нашихъ учебниковъ и ученыхъ сочиненій и даже на языкъ произведеній литературныхъ. А сколько жалобъ слышится по поводу нашего до сихъ поръ не установившагося правописанія?! Неудовлетворительность и неопредѣленность нашихъ грамматическихъ правилъ стали общимъ мѣстомъ, признаются чѣмъ-то роковымъ и неустранимымъ. А наша научная терминологія, почти сплошь составленная изъ иностранныхъ словъ!

И опять скажу: удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Нашъ языкъ и по признанію великихъ нашихъ писателей, и по нашему собственному внутреннему сознанію богатъ и обиленъ, но это богатство до сихъ поръ продолжаетъ существовать въ сыромъ, такъ сказать, видѣ, и его научная обработка не только не закончена, но почти можно сказать—только, только что начата.

И хотя давно уже считается общепризнанною истиной, что языкъ человѣка есть своего рода организмъ, живущій своею собственною, органическою жизнью и развивающійся по законамъ всякаго организма, но этой жизни и этому развитію можно и должно помогать путемъ научнаго изученія языка и его научной обработки. Если языкъ есть организмъ, то въ немъ, какъ во всякомъ организмѣ, могутъ возникать, и дѣйствительно возникаютъ, всякія явленія, какъ правильныя, такъ и уродливыя, болѣзненныя, являющіяся слѣдствіемъ случайностей, личнаго произвола и неумѣнья, личнаго вкуса. Во всемъ этомъ надо разобраться, а это дѣло науки.

Но давно ли существуетъ у насъ наука русскаго языка? Давно ли началась у насъ научная его обработка? Сравнительно очень недавно, не болѣе 160—170 лѣтъ тому назадъ, хотя мысль о необходимости такой обработки возникла гораздо ранѣе.

Извѣстно, что въ до-петровскій періодъ литературнымъ языкомъ или, собственно, языкомъ книги былъ у насъ языкъ церковно-славянскій. Тогда существовало само собою установившееся убѣжденіе, что говорить и писать обыкновенныя дѣловыя бумаги, письма и т. п. можно и должно языкомъ русскимъ, но писать книги, въ которыхъ чаще всего говорится о предметахъ важныхъ и серьезныхъ, надо языкомъ церковно-славянскимъ.

„У русскихъ,—говоритъ филологъ *Генрихъ Лудольфъ*, бывшій въ Россіи въ концѣ XVII столѣтія и знавшій по-русски,—не только

священное писаніе и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ, но безъ его пособія нельзя ни писать, ни разсуждать о предметахъ учености и познаній. Поэтому, чѣмъ ученѣе кто желаетъ прослыть передъ другими, тѣмъ болѣе наполняетъ свою рѣчь и писанія славянизмами, хотя иные и посмѣиваются надъ злоупотребляющими славянскою рѣчью въ обыкновенномъ разговорѣ“ [1]).

Поэтому, и научная обработка примѣнена была прежде всего къ языку церковно-славянскому.

Первая церковно-славянская грамматика Лаврентія Зизанія явилась еще въ концѣ XVI вѣка (1596 г.) въ Вильнѣ. Слѣпо составленная по образцу грамматики греческой, по памятникамъ обезображеннаго церковно-славянскаго языка и наполненная полонизмами, она и по пріему, употребленному сочинителемъ, и по исполненію не можетъ считаться серьезнымъ грамматическимъ трудомъ [2]).

Черезъ двадцать пять лѣтъ, въ 1619 году, вышло въ Эвю, близъ Вильны же, первое изданіе знаменитой грамматики Мелетія Смотрицкаго, повторенное потомъ въ Москвѣ, въ 1648 году, по повелѣнію царя Алексѣя Михаиловича.

Но и Смотрицкій не достигъ своей цѣли и научное изученіе церковно-славянскаго языка мало подвинулось впередъ съ появленіемъ его книги. Считая славянскій языкъ чуть не діалектомъ греческаго, онъ слѣпо слѣдовалъ греческой грамматикѣ Ласкариса, такъ что удерживаетъ часто и его греческую терминологію: *парадигма*, *гетероклита* и т. п. Но многіе термины очень удачно переданы у него по-русски: *буква*, *слогъ*, *междометіе* и т. п., и это несомнѣнно составляетъ его заслугу. Другая заслуга этой грамматики состоитъ въ томъ, что, при всѣхъ ея недостаткахъ, она, вплоть до появленія Ломоносовской грамматики, была единственнымъ источникомъ грамматическихъ свѣдѣній по славянскому языку не только въ Россіи, но и въ другихъ славянскихъ земляхъ: въ Сербіи, Далмаціи, Румыніи [3]).

Въ исторіи же развитія собственно русскаго языка за грамматі-

---

[1]) *Л. Н. Майковъ*: Симеонъ Полоцкій. *Древняя и Новая Россія*, 1875, № 9 стр. 12.

[2]) *Н. Вышнеградскій:* О филологическихъ изслѣдованіяхъ церковно-славянскаго нарѣчія. Магистерская диссертація. С.-Пб. 1847, стр. 24—25.

[3]) *Н. Вышнеградскій*: О филологическихъ изслѣдованіяхъ церковно-славянскаго нарѣчія. Магистерская диссертація. С.-Пб. 1847; также предисловіе къ грамматикѣ Ломоносова, изданіе Академіи Наукъ въ 1855 г.

кой Смотрицкаго должно признать безусловно отрицательное значеніе, такъ какъ она задержала обнаруживавшееся уже во второй половинѣ XVII вѣка стремленіе къ замѣнѣ славянской книжной рѣчи живымъ, народнымъ русскимъ языкомъ. Послѣ перепечатки грамматики Смотрицкаго въ Москвѣ въ 1648 году, „московскіе книжники получили возможность искусственно возвратиться къ той чистой славянской рѣчи, отъ которой ихъ удалялъ вседневный обычай; вслѣдствіе чего, такъ называемая „славянщизна“, несмотря на всю свою недостаточность въ образовательномъ отношеніи, сознаваемую отчасти даже въ то время, снова укрѣпилась въ письменной и печатной словесности русской и оставалась въ ней господствующею до первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка“ [1]).

Вотъ причина, почему передовые люди конца XVII и начала XVIII вѣка не переставали указывать на необходимость грамматическаго изученія нашего языка.

Извѣстный славянскій публицистъ *Юрій Крижаничъ* во второй половинѣ XVII вѣка жаловался, что „языкъ нашъ словенскій отъ иныхъ языковъ прехудо есть оскверенъ, смятенъ, извраченъ и мало не весь до конца изгубленъ“. Чтобы его исправить и очистить, необходимо, по его мнѣнію, имѣть *хорошую грамматику и лексиконъ*, чтобы мы могли правильно писать и говорить и имѣли обиліе словъ [2]).

Другой общественный дѣятель, слѣдующей уже эпохи, первой четверти XVIII вѣка, извѣстный *И. Т. Посошковъ*, въ своей книгѣ: „О скудости и богатствѣ“, писалъ:

„Его Императорскому Величеству надлежитъ постаратися *о грамматикѣ*, чтобы принудить ее выправить добрымъ расположеніемъ и самымъ добрымъ истолкованіемъ, и тако дробно разобрать, чтобы всякія скрытности ясно откровенны были, и чтобъ и безъ учителя можно познать всякіе падежи и склоненія, и тако исправя оную, напечатать бы ихъ тысячъ пять, шесть или десять“ [3]).

Такимъ образомъ, очевидно, что отвлеченная мысль о необходимости грамматическаго изученія языка существовала уже въ умахъ выдающихся людей того времени. Но до осуществленія этой мысли было

---

[1]) *Л. Н. Майковъ:* Симеонъ Полоцкій. *Древняя и Новая Россія*, 1875, № 9, стр. 11—12.

[2]) Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, II, 2.

[3]) Соч. I, 11.

еще далеко, а потому и самый книжный языкъ продолжалъ оставаться грубымъ, необработаннымъ, темнымъ и малопонятнымъ. Причинами этого были, съ одной стороны, механическая смѣсь языковъ церковно-славянскаго и русскаго, при чемъ границы и случаи употребленія того и другаго не были опредѣлены; съ другой—преобладаніе въ книжной рѣчи языка церковно-славянскаго надъ русскимъ.

Тредьяковскій въ предисловіи къ переводу „Ѣзды на островъ любви" говоритъ, что во время его молодости церковно-славянскій языкъ употреблялся не только въ книгахъ, но и въ разговорѣ, и самъ Тредьяковскій „не только имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми".

Первымъ шагомъ къ отдѣленію русскаго языка отъ церковно-славянскаго было введеніе гражданскаго шрифта при Петрѣ Великомъ, который первый же сталъ писать не по-церковно-славянски, а по-русски, а первыя попытки опредѣлить грамматическія формы *русскаго* языка сдѣланы были, какъ и должно было ожидать, Академіей Наукъ. Большая часть правилъ нынѣ принимаемаго русскаго правописанія, говоритъ историкъ Академіи Наукъ, П. Пекарскій, придуманы и утвердились въ Академіи Наукъ въ первые же годы ея существованія, такъ какъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ въ прошломъ столѣтіи для всей Россіи имѣлась только одна академическая типографія, въ которой и печатались книги гражданскимъ шрифтомъ. Извѣстно, что, напримѣръ, нынѣшнее правописаніе именъ прилагательныхъ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа впервые введено было въ академической типографіи съ 1733 года и долго оставалось спорнымъ: Тредьяковскій настаивалъ на принятіи славянскихъ окончаній (мужскаго рода—и, женскаго рода—е, средняго рода—я); Ломоносовъ принялъ правописаніе академическое, а Сумароковъ для всѣхъ трехъ родовъ предлагалъ писать *я*, потому что такъ слышится при произношеніи.

Вскорѣ по открытіи Академія занялась и научными работами по русскому языку. Президентъ ея, баронъ (впослѣдствіи графъ) Кейзерлингъ, отъѣзжая, въ 1733 году, посланникомъ за границу, оставилъ Академіи наставленіе, какъ вести дѣла. Въ этомъ наставленіи, въ числѣ настоятельныхъ потребностей, объ удовлетвореніи которыхъ должна была заботиться Академія, указано было *составленіе русской грамматики*, за что взялся адъюнктъ Ададуровъ.

Для него это было не новостью. Онъ занимался въ это время корректурою русскихъ словъ въ печатавшемся тогда нѣмецко-русскомъ

словарѣ Вейсмана; занимался грамматическими вопросами и долженъ былъ четыре раза въ недѣлю „публично въ Академіи показывать *надлежащія до россійскаго языка правила* и по совершеніи оныхъ толковать на россійскомъ языкѣ реторику“, для чего, по его собственнымъ словамъ, принужденъ былъ „самъ вновь сочинять и на то употреблять тѣмъ больше времени, что въ семъ, какъ весьма новомъ дѣлѣ, по сіе время еще никакого предводителя не имѣю, которому бы въ томъ можно было послѣдовать“.

На эти занятія русскимъ языкомъ натолкнуло его сознаніе своей собственной безграмотности. Онъ самъ писалъ, что въ Академіи онъ „учился языкамъ латинскому, нѣмецкому и французскому, *и притомъ имѣлъ случай собственные мои недостатки въ правильномъ употребленіи природнаго нашего языка нѣсколько усмотрѣть и оные въ себѣ по возможности исправить*“.

Плодомъ этихъ занятій Ададурова русскимъ языкомъ были: его *Русская грамматика*, помѣщенная при изданномъ въ 1735 году нѣмецкомъ словарѣ Вейсмана, и его же *Правила россійской орѳографіи*, изданныя имъ въ 1768 году.

Грамматическія занятія Ададурова вскорѣ получили твердую точку опоры: въ 1735 году учреждено было при Академіи *Россійское Собраніе*. Это была первая, организованная и вполнѣ научная попытка, имѣющая значеніе не только въ исторіи нашего языка, но и въ исторіи нашего самосознанія, какъ первая же правильно поставленная попытка оказать противодѣйствіе начинавшей уже одолѣвать насъ иноземщинѣ.

Россійское собраніе, называвшееся также академіей, возникло по мысли тогдашняго президента барона І. А. Корфа. Въ составъ его вошли: Тредьяковскій, Ададуровъ, Таубертъ и академическіе переводчики: Лебедевъ, Тепловъ и Фрейгангъ. Цѣлью его, по свидѣтельству одного изъ главныхъ дѣятелей его, В. К. Тредьяковскаго, было: *усовершенствованіе русскаго языка*; изданіе переводовъ образцовыхъ иностранныхъ писателей, древнихъ и новыхъ; *составленіе грамматики, словаря, риторики и піитики*.

Необходимость словаря и грамматики ясна сама собою. Что же касается до реторики и піитики, то въ ихъ важности и необходимости можетъ возникнуть сомнѣніе, такъ какъ эти науки признаны въ настоящее время искусственными и для словеснаго творчества вредными. Имѣя Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и другихъ великихъ писателей, мы, какъ многіе думаютъ въ

настоящее время, имѣемъ теперь возможность учиться внѣшнимъ формамъ поэтическихъ словесныхъ произведеній не по риторикамъ и піитикамъ, а по произведеніямъ этихъ писателей.

Но тогда для выработки формъ словесныхъ произведеній ничего еще не было сдѣлано. А между тѣмъ вопросъ о формахъ имѣетъ для словесныхъ произведеній такое же значеніе, какъ вопросъ о техникѣ въ другихъ искусствахъ.

14-го марта 1735 года состоялось первое засѣданіе Россійскаго собранія, къ которому Тредьяковскій обратился съ рѣчью и въ ней, между прочимъ, говорилъ слѣдующее:

„При благословенной державѣ величайшія монархини Анны, *сего дождались мы счастія*, мои господа, *что и о совершенствѣ Россійскаго языка попеченіе воспріемлется*. Сіе дѣло не меньше полезное, коль трудное, главный въ сей Императорской Академіи командиръ, остроумный, искусный и мудрый мужъ, на васъ полагаетъ, вамъ ввѣряетъ и всего къ тому возможнаго прилежанія, къ вящшему прославленію Россійскаго народа и его слова, отъ васъ ожидаетъ...

„Однако сіе коль ни полезно есть Россійскому народу, то-есть, возможное дополненіе языка, чистота, красота и желаемое потомъ его совершенство; но мнѣ толь трудно быть кажется, что не не страшитъ, уповаю, и васъ, мои господа, трудностію и тягостію своею. Не о единомъ тутъ чистомъ переводѣ степенныхъ, старыхъ и новыхъ авторовъ дѣло идетъ, что и едино и само собою колико проливаетъ пота, извѣстно есть тѣмъ, которые прежде васъ трудилися въ томъ, и вамъ самимъ, которые нынѣ трудитеся; *но и о грамматикѣ доброй и исправной*, согласной мудрыхъ употребленію и основанной на ономъ, въ которой коль много есть нужды, толь много есть и трудности; *но и о дикціонаріѣ полномъ и довольномъ*, который въ имѣющихъ трудиться васъ еще больше силы требуетъ, нежели въ баснословномъ Сизифѣ превеликій оный камень, который онъ на высокую гору одинъ все хотя вскатить, съ самаго почитай верьха внизъ его не хотя опускаетъ; *но и о риторикѣ и стихотворной наукѣ*, что все чрезъ мѣру утрудить васъ можетъ....

„Чувствуя сіе толь тяжкое бремя и видя въ Собраніи нашемъ толь малое насъ число, сомнѣваюсь, отпустите моему малодушію, чтобъ чрезъ насъ однихъ толикое дѣло могло совершиться. Впредь, твердо уповаю, когда малый, узкій и мелкій нашъ источникъ, наполнився посторонними струями, возрастетъ въ превеликую, пространную и глубокую рѣку, то-есть, когда число наше искусными людьми

умножится и прибавится, тогда можно будетъ благополучнаго сему ожидать совершенія и вновь къ старому пріумноженія. Довольно съ насъ нынѣ и сея единыя славы, что мы начинаемъ....

„Знаю, что трудно будетъ начало; но своя есть честь и начатію. Вѣдаю, что скучно будетъ продолженіе; но и съ тѣмъ громадная сопряжена слава. А изъ полезнаго окончанія коликая похвала, коликія благодаренія, коликія прославленія произойдти могутъ, кто сего не чувствуетъ? кто сего уразумѣть не можетъ? Одно-бъ развѣ сіе токмо отвратить отъ предпріятія насъ могло, что не надѣемся мы быть счастливы въ окончаніи, и что другимъ сей преславный жребій готовится, а не намъ....

„Но, мои господа, для себя-ль единыя пчела сладкій медъ собираетъ, а и не для насъ? для себя-ль единаго соболь драгоцѣнную носитъ одежду, а и не для насъ? не для себя и прекрасные цвѣты благовонны, но для насъ. На что намъ завидовать счастію и славѣ другихъ въ окончаніи, когда довольно онаго и оныя съ насъ будетъ въ начатіи и въ продолженіи? Но хотя насъ и трудности устрашаютъ; однако начнемъ, а начавъ изъ того, нѣчто быть имѣетъ, по крайней мѣрѣ, поощреніе другимъ къ таковому дѣлу; не начиная же ничего, ничего и не будетъ....

„Трудъ, мои господа, трудъ прилежный все побѣждаетъ... Вѣрьте мнѣ, когда о трудѣ памятовать не станемъ, когда не для того будемъ жить, чтобъ не трудиться, но для того станемъ трудиться, чтобъ и по смерти не умереть; тогда нечувствительно пристрастимся къ тщанію, ревности и неусыпности“ [1]).

Мы видимъ, какъ смѣло, рѣшительно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, скромно приглашалъ Тредьяковскій своихъ сотрудниковъ приступить къ порученному имъ, важному и необходимому труду, отъ котораго ожидали очень важныхъ послѣдствій. Учреждая при Академіи Россійское Собраніе, баронъ Корфъ писалъ Академіи: „Полезные оные плоды, которые я отъ учрежденнаго Россійскаго Собранія въ исправленіи и въ приведеніи въ совершенство природнаго здѣшняго языка себѣ представляю, произведутъ первый свой корень въ обучающемся при здѣшней гимназіи юношествѣ, а отъ онаго потомъ и во всемъ народѣ распространятся“.

Но указанныя Тредьяковскимъ трудности дѣйствительно оказались

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ, *А. Куника*, ч. 1, стр. 9—15.

для этихъ первыхъ ревнителей русскаго слова непреодолимыми. Отъ Россійскаго Собранія не осталось никакихъ печатныхъ трудовъ.

Занявшись составленіемъ „весьма пространнаго *россійскаго лексикона*, съ толкованіемъ на трехъ другихъ языкахъ", они довели его до буквы Р, но словарь не былъ оконченъ и остался въ рукописи. При участіи переводчика Андрея Богданова, Россійское Собраніе составило *другой словарь*, заключавшій въ себѣ болѣе 60.000 словъ, но и онъ напечатанъ не былъ.

А вскорѣ, какъ видно изъ донесенія Академіи Сенату въ 1743 году, „*Россійское Собраніе разрушилось*", и члены его получили другое назначеніе. Мѣсто его заступилъ *переводческій департаментъ*, просуществовавшій тоже недолго и возобновленный впослѣдствіи уже при императрицѣ Екатеринѣ II.

Существуютъ различныя мнѣнія о причинахъ „разрушенія" этого собранія. Митрополитъ Евгеній полагалъ, что оно погибло вслѣдствіе новости дѣла и недостатка способныхъ членовъ. Но существуетъ и другое мнѣніе, по которому причиною неудачи этихъ первыхъ ревнителей русскаго слова приходится считать интриги иноземной партіи, погубившей въ самомъ началѣ и другое важное учрежденіе — Академію ремеслъ.

Несмотря на постигшую его неудачу, нельзя сказать, чтобы это первое, по времени, учрежденіе для научной обработки русскаго языка прошло совершенно безслѣдно. Съ одной стороны, въ числѣ заслугъ Россійскаго Собранія надо поставить пересмотръ и исправленіе русской азбуки, при чемъ нѣкоторыя лишнія буквы были исключены (зѣло, ижица, кси); прибавлена *й*, „въ несказанную исправность выговора", какъ замѣтилъ Тредьяковскій, и надъ словами двоякаго значенія (напримѣръ, за́мокъ и замо́къ) рѣшено ставить удареніе. „О сей прямому чтенію услугѣ я уже не знаю, какъ сказать: велика она и выше моихъ похвалъ", съ восторгомъ говорилъ Тредьяковскій (въ „Разговорѣ объ орѳографіи").

Съ другой стороны, участіе въ Россійскомъ Собраніи несомнѣнно отразилось на ученой дѣятельности одного изъ усерднѣйшихъ членовъ его — *В. К. Тредьяковскаго*. Извѣстно, что ему принадлежатъ первые научные труды по *русской* грамматикѣ и теоріи поэзіи.

Онъ и принятъ былъ на службу въ Академію „въ достоинствѣ секретаря", въ 1733 г., съ тѣмъ, „1) чтобъ ему по возможности стараться *о чистомъ слогѣ россійскаго языка* какъ простымъ слогомъ, такъ и стихами; 2) давать лекціи, ежели то отъ него потребуется;

3) трудиться совокупно съ другими надъ *лексикономъ;* 4) *окончить грамматику, которую онъ началъ дѣлать*, также и переводить съ французскаго и латинскаго на россійскій языкъ все, что ему дано будетъ“ [1]).

Занявшись грамматическими вопросами, онъ счелъ необходимымъ привести (въ Разговорѣ о правописаніи) мнѣніе Квинтиліана о важности грамматики: „Несносны по всему такіе люди, которые сію науку безчестятъ, порицая, что будто есть изъ самыхъ мелкихъ и тощихъ съ природы. Но ежели она не положитъ сперва твердаго основанія, то все прочее огромное ученій строеніе принуждено будетъ обрушиться и въ трески распасться... Того ради не должно презирать грамматическихъ первыхъ основаній и гнушаться ими: сіе-жъ не для того, что не великое и не важное дѣло согласныя буквы отличать отъ гласныхъ, и тѣ еще на полугласныя и безгласныя раздѣлять; но для того, что кто войдетъ во внутренность какъ бы священнаго ея храма, тотъ увидитъ тамъ премногія тонкости, которыя не токмо отроческій разумъ изощрять могутъ, но и важнѣйшей мудрости и наукѣ упражненіе дать находятся въ состояніи“.

Начавъ свои разсужденія о правописаніи съ разсмотрѣнія нашей азбуки, онъ прежде всего настаивалъ на необходимости освободить ее отъ излишнихъ буквъ и предлагалъ исключить, какъ ненужныя, буквы: ѵ, и, ѡ, оу, ѳ, щ, ѱ, ѯ. И это не по пренебреженію къ буквамъ, а, напротивъ, изъ сознанія чрезвычайной важности хорошо и осмотрительно составленной азбуки.

„Въ буквахъ, въ буквахъ токмо вся состоитъ человѣческая вѣчность!“—съ восторженною увѣренностью восклицалъ онъ: „Самъ Вседержитель, изъявляя свою превѣчность, не единократно себя въ откровеніи Альфою и Омегою называетъ“.

Въ этомъ излишнемъ увлеченіи буквами, то-есть, мелочною внѣшностью, нельзя не видѣть одного изъ доказательствъ того хаотическаго состоянія, въ какомъ находился тогда русскій языкъ и научное объ немъ понятіе въ умахъ даже передовыхъ и дѣйствительно знающихъ дѣло людей того времени. Съ другой стороны, не даромъ же Сумароковъ изобразилъ Тредьяковскаго педантомъ въ своемъ знаменитомъ Трисотиніусѣ. Педантизмъ, увлеченіе мелочами много вредили этому почтенному труженику русской науки. Въ третьемъ номерѣ *Ежемѣсячныхъ сочиненій* 1755 г. помѣщены были двѣ статьи Тре-

[1]) *Москвитянинъ*, 1853, XV, 27.

дьяковскаго, въ которыхъ онъ въ первый разъ употребилъ придуманные имъ *черточки*, которыми онъ соединялъ слова, связанныя общимъ смысломъ, отмѣчая главное по смыслу слово удареніемъ. Черточки эти онъ называлъ *единитными палочками* и говорилъ про нихъ: „*Сей есть секретъ новый и при томъ превесьма важный* для опредѣленія точности въ разумѣ“, или: „*Таинство* сіе есть новое, но превесьма и нужное“.

Переходя отъ буквъ къ вопросамъ правописанія, Тредьяковскій, желая показать важность ихъ, говоритъ: „Дѣдъ мой, пишучи буквы, отъ незнанія погрѣшалъ, а я, внукъ его, знаючи, погрѣшать не хочу“. И потому утверждалъ, что *русская орѳографія должна быть русскою, а не чужою*, то-есть, не церковно-славянскою и не греческою. Исключаемыя имъ буквы потому и не нравились ему, что взяты съ греческаго и соотвѣтствовали звукамъ греческаго, а не руссскаго языка. Напримѣръ, онъ говорилъ, что надо писать не по-церковно-славянски: сумволъ, еѵангеліе, а по-русски: символъ, евангеліе, ибо таково произношеніе этихъ словъ. Въ правописаніи словъ производныхъ онъ также предлагалъ слѣдовать произношенію, а не происхожденію слова, и потому писалъ: *мерскій*, а не мерзкій, *упатка*, а не упадка, и т. п. На возраженіе же, что въ такомъ случаѣ корень слова не будетъ виденъ, онъ отвѣчалъ: „Что мнѣ нужды, что произведенія корень виденъ не будетъ? Старается ли о корняхъ все общество пишущихъ, которымъ невозможно писать безъ правилъ орѳографическихъ?“ Впрочемъ, онъ самъ признавалъ, что это былъ вопросъ еще не рѣшенный; „Преважная сія задача—говоритъ онъ въ предисловіи къ Телемахидѣ,—правѣе-ль орѳографіи быть по кореню или по произношенію, и понынѣ еще не рѣшена, а, можетъ быть, и во вѣки разрѣшена не будетъ. Разумъ поборяетъ по выговору, и доказательства его всѣ превесьма тверды; но мудрованіе грамматиковъ стоитъ такъ-сякъ за корень“. Другимъ руководствомъ въ правописаніи Тредьяковскій ставилъ *употребленіе*.

„Употребленію (usus'у) да будетъ всегда повиновеніе“, говоритъ онъ; власть его надъ языкомъ „есть превеликая и, такъ сказать, не имѣющая предѣловъ“. Поэтому его надо предпочитать всѣмъ грамматическимъ правиламъ, ибо „не отъ правилъ произошло употребленіе, а отъ употребленія правила“. Но, говоря это, Тредьяковскій разумѣлъ не всякое употребленіе, а только такое, которое свойственно людямъ образованнымъ. Употребленіе же, существующее у людей не-

образованныхъ, есть не употребленіе, а заблужденіе, „которому родной отецъ есть незнаніе“.

Таковъ былъ и вообще взглядъ теоретиковъ XVIII вѣка, которые думали, что употребленіемъ можно пользоваться, какъ ходячею монетою. Руководствуясь такими ненадежными основаніями, Тредьяковскій писалъ: *рассуждаю*, *нискій*, *празника*, *непорятки*, *лехкій*, *вообчче*, *сообштеніе*. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ произношеніе приводило его и къ правильному написанію: боюсь, надѣюсь, вмѣсто боюся, надѣюся.

Въ оправданіе Тредьяковскаго надо сказать, что ему трудно было не ошибаться, ибо ему нечѣмъ было руководствоваться. Того богатаго и твердаго основанія, какое даетъ намъ теперь сравнительное языкознаніе, въ его время еще не было. Самый вопросъ о церковнославянскомъ языкѣ, о его происхожденіи, особенностяхъ и объ отношеніи его къ русскому языку не только не былъ рѣшенъ, но даже не былъ еще и поставленъ.

И тотъ же Тредьяковскій одинъ изъ первыхъ даетъ намъ какое-то смутное предчувствіе того пути, по которому пошло потомъ сравнительное языкознаніе. Въ разсужденіи *о первенствѣ славянскаго языка* онъ уже дѣлаетъ попытку, правда, до поразительности наивную, объяснить собственныя имена разныхъ иноплеменныхъ народовъ изъ славянскихъ корней, и съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаетъ, что имя *Кельты*, происходитъ отъ слова *желты* (по цвѣту волосъ), *Иберы*— отъ уперы (упирающіеся въ моря, омывающія Испанію), *Германія*— отъ холманія (холмистая) или корманія (обилующая кормомъ), *амазоны* (то-есть, амазонки) — отъ омужены (мужественныя жены), *Италія* — отъ удалія (удаленная отъ сѣвера) или отъ выдалія (выдающаяся), *Гетруски* — хитрушки, „ибо сіи люди въ наукахъ упражнялись“, и т. п. Сдѣлано было кое-что Тредьяковскимъ и по составленію русскаго словаря. Такъ, онъ пытался передавать иностранныя слова русскими терминами, и если мы встрѣчаемъ у него иногда и неудачныя и смѣшныя (напримѣръ, слово *скульпторъ* онъ передавалъ словомъ *болванщикъ*, въ баснѣ: „Лисица въ болванщиковомъ сараѣ“), то гораздо больше находимъ у него удачныхъ русскихъ терминовъ и при томъ въ самой трудной философской области.

Въ „*Словѣ о премудрости, благоразуміи и добродѣтели*“ онъ сдѣлалъ первую попытку передачи русскими словами философскихъ терминовъ:

existentia—бытность.

substantia	—существо.
essentia	—сущность, естественность, сущность сущаго.
intelligentia	—разумность.
sensatio	—чувственность.
idea	—понятіе.
judicium	—разсужденіе.
ratiocinatio	—умствованіе.
combinatio idearum	—сочетаніе мыслей.
ens	—сущее вообще и т. п.

Насколько шатки еще были эти термины въ тогдашнемъ русскомъ языкѣ, показываетъ, съ одной стороны, двоякость русскихъ объясненій (напримѣръ, объясненіе слова essentia), а съ другой—то, что Тредьяковскій, сомнѣваясь въ точности и вѣрности своей передачи, присоединилъ къ своему „слову“ французскій переводъ латинскихъ и греческихъ терминовъ, „сдѣланный нарочно въ пользу умѣющихъ изъ нашихъ по-французски, для лучшаго имъ понятія оныхъ званій“.

Другой *словарный* трудъ Тредьяковскаго мы находимъ въ его знаменитой *Телемахидѣ*, въ примѣчаніяхъ къ которой онъ помѣстилъ *объясненія иностранныхъ и устарѣлыхъ словъ*. Изъ иностранныхъ онъ объяснялъ исключительно названія миѳологическія (напримѣръ, зефиры, гиганты, эгида, сатиры, морѳей и т. п.). Примѣромъ же объясненій словъ устарѣлыхъ могутъ служить слѣдующія:

вина	—причина.
рѣяться	—порываться.
щегла	—мачта.
кормило	—руль.
рясны	—ризы.
багрецъ	—пурпуръ.
зографныхъ	—живописныхъ.
врѣя	—кипя.
вага	—тягость.
чванцы	—стаканы.
пѣстунъ	—дядька.
влаясь	—волнуясь.
ощадны	—скуповаты.
ощадство	—скупость, бережливость.

рамо —плечо.
тулъ —колчанъ.
выя —шея.
треба —жертва.
наляцали —напрягали.
углѣбаешь —вязнешь.
угобзитъ —дастъ изобиліе.
снѣдь —пища.
рубъ —холстина, полотно.
рожцы —жолуди.
камо —куда.
пробавить —продолжать и т. п.

Сдѣлано было кое-что Тредьяковскимъ и для третьей задачи Россійскаго Собранія—для теоріи словесности. Онъ первый далъ теоретическое опредѣленіе героической поэмы, оды, комедіи; онъ же первый занялся вопросомъ о русскомъ стихосложеніи.

Наконецъ, ему же принадлежитъ и еще одна, весьма крупная заслуга въ исторіи *русскаго языка*, какъ языка литературнаго: *онъ первый высказалъ мысль объ употребленіи въ литературныхъ произведеніяхъ русскаго языка, а не церковно-славянскаго* и первый осуществилъ эту мысль въ своемъ переводѣ французской повѣсти Тальемана: „Ѣзда на островъ любви“. Въ предисловіи къ этому переводу онъ говоритъ: „На меня, прошу васъ покорно, не извольте погнѣваться (буде вы еще глубокомысленныя держитесь словенщизны), что я оную не словенскимъ языкомъ перевелъ, *но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то-естъ каковымъ мы межъ собою говоримъ*. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ словенской у насъ есть языкъ церковный, а сія книга мирская. Другая: *языкъ словенской въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очень теменъ, и многіе его наши читая не разумѣютъ;* а сія книга есть сладкія любви, того ради всѣмъ должна быть вразумительна. Третія, которая вамъ покажется, можетъ быть, самая легкая, но которая у меня идетъ *за* самую важную, то-есть, *что языкъ словенской нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится*, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми; но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ словенскимъ особымъ рѣчеточцемъ хотѣлъ себя показывать“.

Такимъ образомъ, задачи Россійскаго Собранія, хотя и въ очень

малой степени, но все-таки были осуществлены трудами одного изъ его членовъ.

Такъ началось изученіе *русскаго* языка. Дальнѣйшій, очень крупный и рѣшительный шагъ впередъ оно сдѣлало трудами другаго, болѣе, чѣмъ Тредьяковскій, даровитаго человѣка, *М. В. Ломоносова*.

Мы уже говорили, что до Ломоносова книжнымъ языкомъ былъ у насъ языкъ церковно-славянскій, или, лучше сказать, языкъ, представлявшій механическую смѣсь мертваго церковно-славянскаго языка съ живымъ русскимъ. Держась вѣками установившагося мнѣнія, что всякая *книга*, всякое *сочиненіе* должны быть написаны языкомъ церковно-славянскимъ, тогдашніе писатели не могли, однако, сохранять въ своихъ сочиненіяхъ всей чистоты и правильности церковно-славянскаго языка, ибо это былъ для нихъ языкъ мертвый, овладѣть которымъ можно было только путемъ теоретическаго его изученія. Но для такого изученія не было научныхъ средствъ, такъ какъ не было ни правильно составленной грамматики, ни хорошаго и полнаго словаря: „не изслѣдованное филологически, не опредѣленное строго законами грамматики, церковно-славянское нарѣчіе изучалось единственно *навыкомъ*: *начитавшись его*, всякій почиталъ себя вправѣ писать на немъ или переводить на него“ [1]).

Съ другой стороны, въ эту искусственную книжную церковно-славянскую рѣчь невольно и неизбѣжно безпрестанно вторгался болѣе сильный, потому что живой, элементъ русскій, и образовалась механическая смѣсь, до того неудобопонятная, что люди XVII вѣка принимали написанныя такимъ слогомъ книги и проповѣди за сочиненныя на иностранномъ языкѣ.

Начавшееся въ первой половинѣ XVIII вѣка стремленіе замѣнить церковно-славянскій языкъ языкомъ русскимъ само собою поставило на очередь вопросъ: что же дѣлать съ языкомъ церковно-славянскимъ? Совсѣмъ ли отъ него отказаться или сохранить его, какъ неустранимую составную часть русскаго литературнаго языка? Вопросъ важный, ибо продолжительное, многовѣковое господство въ книгахъ языка церковно-славянскаго такъ сроднило съ нимъ книжную рѣчь, что совсѣмъ обходиться безъ языка церковно-славянскаго, какъ въ произведеніяхъ литературныхъ, такъ и въ произведеніяхъ научныхъ было прямо невозможно. Но и сохранять за этимъ языкомъ его первен-

---

[1]) *Николай Вышеградскій*: О филологическомъ изслѣдованіи церковно-славянскихъ нарѣчій. С.-Пб. 1847, стр. 7—8.

ствующее значеніе тоже оказывалось уже противнымъ потребностямъ живаго литературнаго языка, въ которомъ, съ появленіемъ наукъ и съ возникновеніемъ литературнаго творчества, все живѣе и живѣе ощущалось стремленіе освободиться отъ искусственныхъ рамокъ мертваго книжнаго церковно-славянскаго языка.

Ломоносовъ, съ геніальною чуткостью отзывавшійся на всѣ запросы общественной мысли того времени, поразительно мѣтко разрѣшилъ этотъ вопросъ и въ своихъ филологическихъ сочиненіяхъ опредѣлилъ значеніе и достоинство обоихъ составныхъ элементовъ нашего литературнаго языка—церковно-славянскаго и русскаго.

Церковно-славянскій языкъ важенъ и даже прямо необходимъ для насъ по многимъ, весьма серьезнымъ причинамъ. Богатый отъ природы, онъ еще болѣе обогатился переводами съ греческаго. „Ясно сіе видѣть можно, говоритъ Ломоносовъ въ разсужденіи „О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“, „вникнувшимъ въ книги церковныя на славенскомъ языкѣ, коль много мы отъ переводу ветхаго и новаго завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцовъ каноновъ видимъ въ славянскомъ языкѣ греческаго изобилія, и оттуду умножаемъ довольство россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію греческихъ красотъ посредствомъ славенскаго сродно“. „Сколько въ высокой поэзіи служатъ однимъ реченіемъ славенскимъ сокращенныя мысли, какъ причастіями и дѣепричастіями, въ обыкновенномъ россійскомъ языкѣ неупотребительными, то всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы. Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика, однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки“.

И дѣйствительно, выгоды эти очень мѣтко указаны Ломоносовымъ. Первая состоитъ въ томъ, что „народъ россійскій, по великому пространству обитающій, не взирая на дальное разстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и селахъ. Напротивъ того въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Германіи, баварскій крестьянинъ мало разумѣетъ мекленбургскаго, или бранденбургскій швабскаго, хотя всѣ того-жъ нѣмецкаго народа. Подтверждается вышепомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ народами славенскаго поколѣнія, которые греческаго исповѣданія держатся. Ибо, хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако для употребленія (то-есть, по причинѣ употребленія)

славенскихъ книгъ церковныхъ, говорятъ языкомъ, россіянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели польскій, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность“ (потому что языкомъ церкви у поляковъ сдѣлался языкъ латинскій, а не славянскій).

Такимъ образомъ одна изъ важнѣйшихъ заслугъ церковно-славянскаго языка состоитъ въ томъ, что онъ содѣйствуетъ поддержанію единства и духовной, неразрывной связи какъ въ самомъ русскомъ народѣ, такъ и во всѣхъ славянскихъ племенахъ православнаго вѣроисповѣданія.

Такую же прочную связь представляетъ церковно-славянскій языкъ и въ историческомъ отношеніи, потому что, именно благодаря принятому нашей церковью для богослуженія и для богослужебныхъ книгъ церковно-славянскому языку, „Россійскій языкъ отъ владѣнія Владимирова до нынѣшняго вѣку, больше семи сотъ лѣтъ, не столько отмѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было: не такъ какъ многіе народы не учась не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны, случившейся чрезъ то время“.

Указавъ на такія важныя заслуги церковно-славянскаго языка, Ломоносовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же разсужденіи своемъ „О пользѣ книгъ церковныхъ“, окончательно, разъ навсегда, опредѣлилъ границы его употребленія, признавъ основнымъ языкомъ литературы живой языкъ русскій, но сохранивъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ обильный источникъ обогащенія этого живаго литературнаго языка, и языкъ церковно-славянскій, точно опредѣливъ, однако, предѣлы и случаи его употребленія.

Воспользовавшись господствовавшею въ его время ложно-классическою теоріей о трехъ слогахъ, онъ предоставилъ, какъ и подобало, роль высокаго слога языку церковно-славянскому, но съ необходимыми оговорками: употреблять только такія церковно-славянскія слова, которыя „россіянамъ вразумительны и не весьма обветшалы“; неупотребительныя же и обветшалыя церковно-славянскія слова прямо были исключены изъ языка литературнаго. Въ слогѣ среднемъ, который долженъ былъ состоять „изъ реченій больше въ россійскомъ языкѣ употребительныхъ“, допускались имъ также и нѣкоторыя реченія славянскія, но опять „съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался *надутымъ*“.

Такіе же предѣлы положены имъ и живому народному русскому

языку, при употребленіи котораго должно остерегаться, „чтобы не опуститься въ подлость“, то-есть, не вводить въ литературныя сочиненія выраженій простонародныхъ, площадныхъ.

Такимъ образомъ, Ломоносовъ впервые ясно опредѣлилъ признаки хорошаго литературнаго слога, въ которомъ церковно-славянскій языкъ по необходимости долженъ занимать важное мѣсто, хотя его опредѣленіе и имѣетъ исключительно отрицательный характеръ: въ хорошемъ литературномъ слогѣ не должно употреблять, съ одной стороны, надутыхъ, обветшалыхъ и никому не понятныхъ церковно-славянскихъ словъ и выраженій; съ другой — словъ простонародныхъ и площадныхъ. Въ этихъ предѣлахъ русскому литературному слогу предоставлялась полная и широкая свобода развитія.

Рѣшивъ такъ удачно вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ составныхъ элементовъ нашего литературнаго языка, Ломоносовъ, съ искреннимъ и горячимъ чувствомъ истиннаго патріота и поэта говоритъ:

„Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ славянскихъ въ Россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ своимъ искусствомъ, *дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги*, отъ чего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ славянскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ, по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога. 3) Такимъ *старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ* сроднаго намъ кореннаго *славянскаго языка купно съ Россійскимъ* отвратятся дикія и странныя слова *нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ*, заимствующихъ себѣ красоту изъ греческаго, и то еще чрезъ латинской. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется; и Россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку неподверженъ утвердится, *колъ долго церковь Россійская* славословіемъ Божіимъ на славянскомъ языкѣ украшаться будетъ“. Это твердое и непоколебимое убѣжденіе свое въ пользѣ и важности церковно-славянскаго языка

Ломоносовъ не разъ высказываетъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ по языку—въ грамматикѣ и риторикѣ.

Коснувшись въ грамматикѣ вопроса объ ошибочномъ правописаніи нѣкоторыхъ словъ, онъ говоритъ: „сожалѣтельно, что для избѣжанія сихъ погрѣшностей не можно предписать другихъ правилъ, кромѣ прилежнаго ученія Россійской грамматикѣ и *чтенія книгъ церковныхъ, безъ чего и во всемъ Россійскомъ словъ никто твердъ и силенъ быть не можетъ*“ (§ 112).—Въ Риторикѣ главу 7-ю: „Объ изобрѣтеніи витіеватыхъ рѣчей“, онъ заканчиваетъ такими словами: „Для подражанія въ витіеватомъ родѣ слова тѣмъ, которые другихъ языковъ не разумѣютъ, *довольно можно сыскать примѣровъ въ славянскихъ церковныхъ книгахъ и въ писаніяхъ отеческихъ, съ греческаго языка переведенныхъ*, а особливо въ прекрасныхъ стихахъ и канонахъ преподобнаго Іоанна Дамаскина и святаго Андрея Критскаго, также и въ словахъ святаго Григорія Назіанзина, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ переводъ съ греческаго не теменъ“ (§ 147).

Эта настойчивая и горячая защита Ломоносовымъ церковно-славянскаго языка очевидно вызвана была тѣми попытками навсегда изгнать его изъ нашего литературнаго языка, которыя обнаруживаются, напримѣръ, у Тредьяковскаго, признававшагося, какъ мы видѣли, что „языкъ славянскій его ушамъ жестокъ слышится“. И, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ именно этой горячей защиты, Тредьяковскій измѣнилъ свое мнѣніе о славянскомъ языкѣ и изъ гонителя сдѣлался его защитникомъ.

Вышучивая грамматическія нововведенія Тредьяковскаго, Сумароковъ написалъ на него сатиру, въ которой отмѣтилъ совершавшуюся въ языкѣ перемѣну отъ церковно-славянскихъ словъ и формъ къ русскимъ:

„Въ музы́кѣ что́ распѣвъ, то надъ словами сила
(то-есть, удареніе);
Природа насъ блюсти законъ сей научила.
Безъ силы *бе́реги*, но съ силой *берегá*,
И *снѣги* съ оною мы говоримъ *снѣгá*,—
Довольно кажутъ намъ толь ясные доводы,
Что нашъ языкъ отъ *и* всегда ищéтъ свободы;
Имы ужъ стало *имь*, *коли* ужъ стало *коль*,
Изволи нынѣ всѣ вездѣ твердятъ *изволь*,
За *спиши—спишь* и *спать* мы говоримъ за *спати*,
На что-же, Трессотинъ, намъ тянешь *и* не кстати?“.

Тредьяковскій отвѣтилъ своему литературному противнику тоже

стихотворною сатирой, въ которой обвинялъ Сумарокова въ томъ, что онъ смѣшиваетъ книжный языкъ съ разговорнымъ:

„Не знаю, кто пѣвцовъ въ стихъ вкинулъ сумасбродный,
Но видно, что дуракъ и вертопрахъ негодный.
Онъ красотой зоветъ, что есть языку вредъ:
Или ямщичей вздоръ, или мужицкой бредъ.—
Пустъ вникнетъ онъ въ языкъ славянской нашъ степенный,
Престанетъ злобно врать и глупствомъ быть надменный;
Увидитъ, что тамъ *колъ* не за *коли*, но только
Кладется—какъ и долгъ—въ количествѣ за *сколько*.
Не *голосъ* чтется тамъ, но сладостнѣйшій *гласъ*;
Читаютъ *око* всѣ, хоть говорятъ всѣ *глазъ*;
Не *лобъ* тамъ, но *чело*; не *щеки*, но *ланиты*;
Не *губы* и не *ротъ*, *уста* тамъ багряниты;
Не *нынь* тамъ и не *валъ*, но *нынѣ* и *волна*
Священна книга вся сихъ нѣжностей полна.
Но гдѣ ему-то знать? онъ только что зѣваетъ,
Святыхъ онъ книгъ отнюдь, какъ видно, не читаетъ.
За образецъ ему въ письмѣ пирожный рядъ,
На площади беретъ прегнусной свой нарядъ,
Не зная, что писать у насъ слыветъ—иное,
А просто говорить по-дружески—другое;
Славянскій нашъ языкъ есть правило не ложно,
Какъ книги чтивъ намъ писать, коли возможно.
Въ гражданскомъ и доднесь, *однако не въ площадномъ*,
Съ славянскимъ по всему составу въ насъ одномъ,
Кто ближе подойдетъ къ сему въ словахъ избранныхъ,
Тотъ и любѣе всѣмъ писецъ есть, и не въ странныхъ.
У нѣмцевъ то не такъ, ни у французовъ тожъ;
Имъ нравенъ тотъ языкъ, кой съ общимъ самымъ схожъ.
Но нашей чистотѣ вся мѣра есть славенскій,
Не щегольковъ, ниже и грубый деревенскій“ [1]).

Въ этомъ своемъ отвѣтѣ Тредьяковскій. очевидно, переложилъ въ стихи всѣ основныя мысли Ломоносова, высказанныя имъ въ статьѣ о пользѣ книгъ церковныхъ; но, какъ человѣкъ, говорящій съ чужаго голоса, не могъ, въ своемъ возродившемся усердіи къ славянскому языку, не впасть въ ошибки, которыхъ нѣтъ у его руководителя—Ломоносова: Тредьяковскій говоритъ, что „нашей *чистотѣ* вся мѣра есть славянскій“, тогда какъ Ломоносовъ именно чистоты-то и не признавалъ въ церковно-славянскомъ языкѣ. Въ своей Риторикѣ, коснувшись вопроса объ украшеніи слога „пристойными и избранными ре-

[1]) *Библіографическія Записки* 1859, столб. 517—519.

ченіями", онъ совѣтуетъ выбирать ихъ изъ хорошихъ книгъ, при чемъ прибавляетъ: „Что до чтенія книгъ надлежитъ, то передъ прочими совѣтую держаться книгъ церковныхъ (для изобилія реченій, *не для чистоты*") (§ 165).

Но, защищая церковно-славянскій языкъ отъ несправедливыхъ попытокъ изгнать его совсѣмъ изъ употребленія, Ломоносовъ, все-таки, не призналъ возможнымъ сохранить за нимъ того первенствующаго значенія, какое онъ до тѣхъ поръ занималъ въ книжномъ языкѣ. *Основою* русскаго литературнаго языка Ломоносовъ справедливо призналъ живой народный языкъ, во всемъ его объемѣ и во всей разнообразности его нарѣчій и говоровъ [1]), средоточіемъ котораго является нарѣчіе *московское*, какъ главное, при дворѣ и въ дворянствѣ употребительное, которое „не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отмѣнной красоты прочимъ справедливо предпочитается; а особливо выговоръ буквы О безъ ударенія, какъ А, много пріятнѣе" [2]).

Признавъ первенство московскаго нарѣчія передъ остальными (то-есть, сѣвернымъ и украинскимъ), Ломоносовъ не впалъ, однако, въ крайность, и считалъ необходимымъ пользоваться, по мѣрѣ надобности, всѣми. Въ томъ же 111-мъ параграфѣ своей грамматики онъ указалъ и тѣ ошибки въ правописаніи, къ которымъ приводитъ московскій говоръ. Произнося О, какъ А, „московскіе уроженцы, а больше тѣ, которые немного и невнимательно по церковнымъ книгамъ читать учились, въ правописаніи часто погрѣшаютъ, пишучи А вмѣсто О: *хачу* вмѣсто *хочу*, *гавари* вмѣсто *говори*. *Но ежели положитъ, чтобы по сему выговору всѣмъ писать и печатать, то должно большую часть Россіи говоритъ и читатъ снова переучитъ насильно*".

Въ § 114-мъ, по поводу попытокъ изгнать изъ азбуки букву *ѣ*, Ломоносовъ приводитъ тѣ основанія, по которымъ онъ считалъ это невозможнымъ; въ числѣ этихъ основаній было и то, что „*малороссіянамъ*, которые и въ просторѣчіи Е отъ Ѣ явственно различаютъ, *будетъ противъ свойства природнаго ихъ нарѣчія*". Вообще же онъ совѣтовалъ въ правописаніи держаться правила, чтобы оно „*не отходило далече отъ главныхъ Россійскихъ діалектовъ*, которые суть три: Московской, Сѣверной, Украинской" (§ 108).

О свойствахъ и достоинствахъ *Русскаго языка* Ломоносовъ много

---

[1]) *А. Будиловичъ*, Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ.

[2]) Грамматика, § 111.

разъ говоритъ въ своихъ письмахъ и сочиненіяхъ. Такъ, еще въ 1739 г. онъ писалъ: „Я не могу довольно нарадоваться, что Россійскій нашъ языкъ не токмо бодростію и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ“ [1]).

Болѣе же подробно и обстоятельно онъ высказалъ свой взглядъ на русскій языкъ въ посвященіи своей Грамматики Наслѣднику, Великому Князю Павлу Петровичу: „Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійскій, не токмо обширностію мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ передъ всѣми въ Европѣ. Невѣроятно сіе покажется иностраннымъ, и нѣкоторымъ природнымъ Россіянамъ, которые больше къ чужимъ языкамъ, нежели къ своему, трудовъ прилагали. Но кто неупрежденный великими о другихъ мнѣніями простретъ въ него разумъ и съ прилежаніемъ вникнетъ, со мною согласится. Карлъ пятый, Римскій Императоръ, говаривалъ, что Ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятельми, Италіянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если-бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе Ишпанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Италіянскаго, сверхъ того, богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языка. Обстоятельное всего сего доказательство требуетъ другаго мѣста и случая. Меня долговременное въ Россійскомъ словѣ упражненіе о томъ совершенно увѣряетъ. Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на Россійскомъ языкѣ. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи. *И ежели чего точно изобразить не можемъ; не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ.* Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или, лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море“.

---

[1]) *А. Будиловичъ*, Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ.

Опредѣливъ свойства и составъ прозаическаго слога, Ломоносовъ рѣшилъ окончательно вопросъ и о нашемъ стихотворномъ слогѣ. Руководствуясь правилами, что 1) „Россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, изъ другихъ языковъ не вносить“, и 2) „чѣмъ Россійскій языкъ изобиленъ и что въ немъ къ версификаціи угодно и способно, того... не отнимать, но какъ собственное и природное, употреблять надлежитъ“, онъ утверждалъ, что „въ Россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила (то-есть, удареніе), а прочіе всѣ коротки. Сіе самое природное произношеніе намъ очень легко показываетъ“.

На этомъ онъ и основалъ тоническое стихосложеніе. Такъ какъ, по свойству русскаго языка, одно и то же слово иногда имѣетъ удареніе, иногда же, въ ряду другихъ словъ, теряетъ его, то, по словамъ Ломоносова, „въ сокровищѣ нашего языка имѣемъ мы долгихъ и краткихъ реченій неисчерпаемое богатство, такъ что въ наши стихи безъ всякія нужды (то-есть, не встрѣчая препятствій) двоесложныя и троесложныя стопы внести, и въ томъ грекамъ, римлянамъ, нѣмцамъ и другимъ народамъ, въ версификаціи правильно поступающимъ, послѣдовать можемъ“.

Указавъ на коренное свойство русскаго стихосложенія, основаннаго на высотѣ и низкости, а не на долготѣ и краткости слоговъ, Ломоносовъ говоритъ: „Того ради совсѣмъ худо, и свойству славянскаго языка, который съ нынѣшнимъ нашимъ не много разнится, противно учинилъ Смотрицкій, когда онъ е, о за короткіе, а, і, ѵ—за общія, и, ѣ, ѡ, съ нѣкоторыми двугласными и со всѣми гласными, что предъ двумя или многими согласными стоятъ, за долгія почелъ“.

Столь же неосновательнымъ признаетъ Ломоносовъ существовавшее тогда правило, по которому въ русскихъ стихахъ допускались только однѣ женскія (то-есть, двусложныя) риѳмы. „Россійскіе стихи, говоритъ онъ, красно и свойственно на *мужескія, женскія и три литеры гласныя въ себѣ имѣющія риѳмы*, подобныя италіянскимъ, могутъ кончиться“. „Хотя до сего времени только однѣ женскія риѳмы въ россійскихъ стихахъ употребляемы были, а мужескія и отъ третьяго слога начинающіяся, заказаны; однако сей заказъ толь праведенъ и нашей версификаціи такъ свойственъ и природенъ, какъ ежели бы кто обѣими ногами здоровому человѣку всегда на одной скакать велѣлъ. Оное правило начало свое имѣетъ, какъ видно, въ Польшѣ, откуду, пришедъ въ Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному

обыкновенію такъ мало можно послѣдовать, какъ самимъ польскимъ риѳмамъ, которыя не могутъ иными быть, какъ только женскими: понеже всѣ польскія слова, выключая нѣкоторыя односложныя, силу надъ предкончаемомъ слогѣ имѣютъ. Въ нашемъ языкѣ толь же довольно на послѣднемъ и третьемъ, коль надъ предкончаемомъ слогѣ имѣющихъ словъ находится: то для чего намъ оное богатство пренебрегать, безъ всякія причины самовольную нищету терпѣть, и только однѣми женскими побрякивать, а мужескихъ бодрость и силу, тригласныхъ устремленіе и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужескія риѳмы толь смѣшны и подлы были, чтобы ихъ только въ комическомъ и сатирическомъ стихѣ, да и то еще рѣдко, употреблять можно было? и чѣмъ бы святѣе сіи женскія риѳмы: *красовуляхъ*, *ходуляхъ*, слѣдующихъ мужескихъ: *востокъ*, *высокъ*, были? по моему мнѣнію, подлость риѳмъ не въ томъ состоитъ, что онѣ больше или меньше слоговъ имѣютъ; но что оныхъ слова подлое или простое что значатъ".

Признавъ разнообразіе риѳмъ, Ломоносовъ достигъ чрезвычайнаго разнообразія стиха. „Понеже мы *мужескія, женскія и тригласныя* риѳмы имѣть можемъ; то услаждающая всегда человѣческія чувства перемѣна, оныя межъ собою перемѣшивать пристойно велитъ, что я почти во всѣхъ моихъ стихахъ чинилъ. Подлинно, что всякому, кто однѣ женскія риѳмы употребляетъ, сочетаніе и перемѣшка стиховъ странны кажутся; однако ежели бы онъ къ сему только примѣнился, то скоро бы увидѣлъ, что оное толь же пріятно и красно, коль въ другихъ Европейскихъ языкахъ. Никогда бы мужеская риѳма передъ женской не показалася, какъ дряхлой, черной и девяносто лѣтъ старой арапъ передъ наипоклоняемою, наинѣжною и самымъ цвѣтомъ младости сіяющею Европейскою красавицею".

Труды Ломоносова по усовершенствованію русскаго слова прекрасно заканчиваются (конечно, не въ хронологическомъ смыслѣ) его „*Краткимъ руководствомъ къ краснорѣчію*, книга 1-ая, въ которой содержится *риторика*. С.-Пб. 1748". Источниками при составленіи этого руководства послужили Ломоносову риторики Кауссина, Помея и Готшеда. Слѣдовательно, по содержанію, это — сочиненіе не самостоятельное. Но громадное значеніе его въ развитіи русскаго литературнаго слога обусловливалось тѣмъ, во-первыхъ, что это была первая риторика на русскомъ языкѣ, ибо всѣ предшествовавшія ей писаны на латинскомъ языкѣ; а, во-вторыхъ, обиліе примѣровъ въ стихахъ и прозѣ, переводныхъ и оригинальныхъ, сдѣлали эту книгу

сборникомъ всего лучшаго въ тогдашней русской литературѣ и потому пригодною для чтенія книгой [1]). Эти достоинства риторики Ломоносова тогда же были оцѣнены русскимъ обществомъ, и книга эта довольно быстро была раскуплена. Въ 1756 году Ломоносовъ просилъ Академію напечатать вновь его риторику, потому что „многіе де охотники почти ежедневно спрашиваютъ и желаютъ имѣть у себя.... а въ книжной де лавкѣ за употребленіемъ оной въ продажу *ни одного экземпляра давно не имѣется*“. Къ сожалѣнію, Академія *не нашла возможнымъ* исполнить эту просьбу Ломоносова: подъ предлогомъ, что типографія завалена наборомъ новыхъ книгъ, рѣшено было „печатаніемъ той риторики обождать“.

Отличительную особенность всѣхъ сочиненій Ломоносова по языку составляетъ удивительная широта и многосторонность взгляда—признакъ истинно-научнаго отношенія къ предмету,—и, въ зависимости отъ этого, постоянное стремленіе избѣгать уродливыхъ крайностей.

По поводу изложенныхъ имъ въ риторикѣ правилъ о изобрѣтеніи витіеватыхъ рѣчей онъ говоритъ, напримѣръ: „Ни въ чемъ краснорѣчіе не утверждается на примѣрахъ и на чтеніи и подражаніи славныхъ авторовъ, какъ въ витіеватомъ родѣ слова; и нигдѣ больше не служитъ остроуміе и поворотливость разума, какъ въ семъ случаѣ; ибо не токмо сіе требуется, чтобы замыслы были нечаянны и пріятны, но, сверхъ того, *весьма остерегаться должно, чтобы за ними излишне гоняючись не завратться*, которой погрѣшности часто себя подвергаютъ нынѣшніе писатели, для того, что они меньше стараются о важныхъ и зрѣлыхъ предложеніяхъ, о увеличеніи слова чрезъ распространенія или о движеніи сильныхъ страстей, нежели о витійствѣ“ (§ 146).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, все, что онъ говоритъ, изложено сжато, но ясно, просто и полно. Вотъ, напримѣръ, какъ кратко и точно объясняетъ онъ, что такое *украшеніе рѣчи*: „Украшеніе есть изобрѣтенныхъ идей пристойными и избранными реченіями изображеніе. Состоитъ въ чистотѣ штиля, въ теченіи слова, въ великолѣпіи и силѣ онаго“ (§ 164).

„Первое зависитъ отъ основательнаго знанія языка, отъ частаго чтенія хорошихъ книгъ и отъ обхожденія съ людьми, которые говорятъ чисто. Въ первомъ способствуетъ прилежное изученіе правилъ грамматическихъ, во-второмъ выбираніе изъ книгъ хорошихъ реченій, пословій и пословицъ; въ третьемъ стараніе о чистомъ выговорѣ при людяхъ, которые красоту языка знаютъ и наблюдаютъ. Что до чтенія

---

[1]) *Пекарскій*, Исторія Императорской Академіи Наукъ.

книгъ надлежитъ, то передъ прочими совѣтую держаться книгъ церковныхъ (для изобилія реченій, не для чистоты), отъ которыхъ чувствую себѣ немалую пользу. Сіе все каждому за необходимое дѣло почитать должно: ибо кто хочетъ говорить красно, тому надлежитъ сперва говорить чисто и имѣть довольство пристойныхъ реченій къ изображенію своихъ мыслей“ (§ 165).

Наконецъ, еще одну и самую важную, особенность сочиненій Ломоносова, касающихся русскаго языка, преимущественно же его Риторики и Разсужденія о пользѣ книгъ церковныхъ, составляетъ серьезность и идеальная возвышенность взглядовъ, проистекавшая изъ его искренней и глубокой вѣры, которая, какъ извѣстно, была однимъ изъ главныхъ источниковъ и его поэтическаго вдохновенія. Это обнаруживается какъ въ его любви къ чтенію церковныхъ книгъ, въ языкѣ и содержаніи которыхъ онъ признавалъ богатый запасъ поэтическихъ формъ рѣчи и высокихъ, облагораживающихъ идей и образовъ, такъ и въ его высокомъ понятіи о нравственныхъ обязанностяхъ писателя и объ облагораживающемъ значеніи литературныхъ произведеній.

Въ своей Риторикѣ, въ главѣ „О вымыслахъ“, онъ высказываетъ, напримѣръ, такой взглядъ на тогдашніе французскіе романы, въ такомъ изобиліи переводившіеся на русскій языкъ:

„Вымыслы раздѣляются на *чистые* и *смѣшанные*. Чистые состоятъ въ цѣлыхъ повѣствованіяхъ о дѣйствіяхъ, которыхъ на свѣтѣ не бывало, составленныхъ для нравоученія. Сюда надлежатъ изъ древнихъ авторовъ Езоповы притчи, Апулейева басня о золотомъ ослѣ, Петроніевъ сатириконъ, Лукіановы разговоры; изъ новыхъ Барклаева Аргенида, Гулливерово путешествіе по неизвѣстнымъ государствамъ и большая часть Эразмовыхъ разговоровъ. *Французскихъ сказокъ, которыя у нихъ романами называются, въ числѣ сихъ вымысловъ положить не должно: ибо они никакого нравоученія въ себѣ не заключаютъ и отъ россійскихъ сказокъ, какова о Бовѣ составлена, иногда только украшеніемъ штиля разнятся, а въ самой же вещи такая же пустошь вымышленная* отъ людей, время свое тщетно препровождающихъ; *и служатъ только къ развращенію нравовъ человѣческихъ и въ вящшему закоснѣнію въ роскоши и плотскихъ страстяхъ*“ (§ 151).

Благодаря указаннымъ выше достоинствамъ своимъ, Риторика Ломоносова болѣе пятидесяти лѣтъ была главнымъ руководствомъ по теоретическому изученію словесныхъ произведеній, и еще въ 1806 году Севергинъ въ „Похвальномъ словѣ Ломоносову“ говорилъ о его

Риторикѣ: „Правда, что правила изобрѣтенія идей, украшенія и расположенія слова у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ почти одинаковыя. Но Ломоносовъ былъ первый, который и въ семъ поприщѣ лучшія проложилъ стези на россійскомъ языкѣ. И хотя послѣ него многія изданы подобныя руководства, но твореніе Ломоносова служило имъ всегда основаніемъ; *и не взирая на оныя, любители словесности не престаютъ донынѣ читать его Риторику и образовать себя по оной.* Ибо никто почти не былъ столь счастливъ въ выборѣ примѣровъ, особливо въ наполненіи періодовъ и распространеніи слова, въ возбужденіи страстей, въ вымыслахъ, и вообще въ украшеніи и расположеніи. Здѣсь должны мы найпаче удивляться изяществу его вкуса, ибо всѣ его примѣры сильны, ясны и привлекательны, а нѣкоторые неподражаемы".

Кромѣ напечатанныхъ трудовъ по языку, въ черновыхъ бумагахъ Ломоносова мы находимъ указанія, что онъ занимался разработкою и нѣкоторыхъ, хотя частныхъ, но важныхъ вопросовъ въ области тогдашняго литературнаго языка нашего. Мы видѣли, что не малой заслугой церковно-славянскаго языка онъ считалъ то, что при его помощи „отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ".

Каковы же были *нелѣпости*, порождавшіяся входившими въ нашъ языкъ и для большинства малопонятными иностранными словами, показываютъ слѣдующіе случаи, разказанные В. Н. Татищевымъ.

По поводу рѣчи Тредьяковскаго при открытіи россійскаго собранія, Татищевъ написалъ ему письмо, въ которомъ возставалъ противъ многихъ лишнихъ буквъ въ азбукѣ (зело, щ, кси) и противъ иноязычныхъ словъ. Чтобы показать вредъ отъ употребленія непонятныхъ иностранныхъ словъ, онъ разказываетъ такіе случаи:

Во время Прутскаго похода 1711 года одинъ капитанъ, посланный съ отрядомъ драгунъ на р. Днѣстръ, съ приказаніемъ „стать ему ниже Каменца и выше Конецъ Поля въ *авантажномъ мѣстѣ*", исходилъ болѣе шестидесяти миль, поморилъ болѣе половины лошадей, но авантажнаго мѣста (то-есть, по-польски — города) не нашелъ, о чемъ и донесъ своему начальству.

Другой случай еще смѣшнѣе. Въ томъ же 1711 году на р. Прутѣ одному отряду войска данъ былъ приказъ о фуражировкѣ, въ которомъ сказано было, „перво маршируетъ подполковникъ *с'бедекенъ*, за нимъ фуражиры, а маршъ заключаютъ драгуны". Сборъ назначенъ былъ въ 5 часовъ утра. Къ назначенному часу всѣ собрались и стали

ждать подполковника Сбедекена, которому надо было, по приказу, открывать шествіе. Прождали этого Сбедекена до полудня, искали его въ другихъ частяхъ войска и наконецъ узнали, что никакого подполковника Сбедекена нѣтъ, и что самое это слово вовсе не фамилія, а означаетъ прикрытіе.

Вопросъ о наполнявшихъ въ то время нашъ языкъ иностранныхъ словахъ сильно занималъ Ломоносова, и онъ готовилъ особую статью „*О чистотѣ языка*“ (сохранившуюся въ его черновыхъ бумагахъ), въ которой онъ хотѣлъ затронуть вопросъ *объ употребленіи иностранныхъ словъ*, обиліе которыхъ въ русскомъ языкѣ онъ считалъ злоупотребленіемъ. Онъ даже указалъ и путь, какимъ проникали въ нашъ языкъ иностранныя слова. По его мнѣнію, совершалось это семью способами:

1) Съ первыми варяжскими князьями (напримѣръ, берлога).

2) Съ православною греческою вѣрою (попъ, пономарь, риза).

3) Отъ татаръ (караулъ, базаръ).

4) Путемъ торговыхъ сношеній съ персами, китайцами, англичанами, голландцами и проч.

5) Отъ введенія наукъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ (галлицизмы, германизмы).

6) Чрезъ сообщество съ поляками (напримѣръ, превосходная степень на *пѣтій*, *айшій*, „которая русскому слуху непріятна“).

7) Отъ пограничныхъ народовъ.

Въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ Ломоносовъ, заботясь о чистотѣ русскаго языка и о его обогащеніи новыми понятіями, старался передавать иностранные техническіе термины русскими словами, которыхъ много можно найдти въ его Металлургіи и въ его переводахъ физики Вольфа и астрономической статьи Гейзіуса, напримѣръ:

theoria — размышленіе.
praxis — дѣйствіе.
theoreticus — мысленный.
(У Тредьяковскаго: умозрительный).
practicus — дѣйственный.
(У Тредьяковскаго: дѣятельный).
imaginatio — мечтаніе.
(У Тредьяковскаго: образованіе).
planta — изращеніе.
belles lettres — словесныя науки.

Какъ бы въ оправданіе этихъ нововведеній, онъ, въ предисловіи къ переводу сокращенной экспериментальной физики Вольфа, вышедшему въ 1746 году, говоритъ:

„Принужденъ я былъ искать словъ для наименованія нѣкоторыхъ физическихъ инструментовъ, дѣйствій и натуральныхъ вещей, которыя хотя сперва покажутся нѣсколько странны, однако надѣюсь, что они современемъ чрезъ употребленіе знакомѣе будутъ".

Подводя итогъ тому, что сдѣлано Ломоносовымъ для русскаго литературнаго языка, мы можемъ сказать, что, не будучи языковѣдомъ по всегдашнимъ своимъ занятіямъ, онъ, тѣмъ не менѣе, и въ этой области является настоящимъ *начало положникомъ*, потому что его *Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства*, *Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ*, *Риторика* и *Грамматика* — окончательно рѣшили вопросъ о русскомъ литературномъ слогѣ.

Ясно различая церковно-славянскій языкъ не только отъ современнаго ему русскаго языка, но и отъ древне-русскаго, который онъ называлъ гражданскимъ и который сохранился въ „печатныхъ и рукописныхъ гражданскихъ книгахъ, великороссіянами сочиненныхъ, каковы суть уложеніе, указныя книги, и тому подобныя", Ломоносовъ окончательно опредѣлилъ границы употребленія церковно-славянскаго языка, признавъ основою русскаго литературнаго языка *живой русскій народный языкъ*, съ московскимъ нарѣчіемъ во главѣ. Церковно-славянскій же языкъ остался, какъ неисчерпаемая сокровищница, завѣщанная намъ предками для постояннаго обогащенія живой народной рѣчи, съ одной стороны, и какъ незыблемая опора русскаго правописанія—съ другой, ибо, говоритъ Ломоносовъ въ своей грамматикѣ, „тѣ, которые немного и невнимательно по церковнымъ книгамъ читать учились, въ правописаніи часто погрѣшаютъ".

Вспоминая благодарною памятью нашихъ ревнителей русскаго слова, нельзя пройдти молчаніемъ знаменитаго А. П. Сумарокова, писателя, хотя и не занимавшагося научно русскимъ языкомъ, но высказавшагося, какъ умѣлъ, по разнымъ волновавшимъ тогдашній ученый кругъ нашъ грамматическимъ вопросамъ.

Какъ одинъ изъ крупныхъ представителей русскаго слова того времени, онъ съ искреннимъ и глубокимъ уваженіемъ относился къ родной рѣчи и постоянно настаивалъ на необходимости беречь ея чистоту и самобытность.

Не рѣшаясь, среди тогдашнихъ споровъ по разнымъ грамматическимъ вопросамъ, стать окончательно на чью либо сторону, онъ пред-

почиталъ держаться выжидательнаго образа дѣйствій и потому писалъ (въ статьѣ: „Къ типографскимъ наборщикамъ“ въ *Трудолюбивой Пчелѣ*):

„Я по единому только собственному моему произволенію никакихъ себѣ правилъ не предписываю, *и не только другимъ, но и самому себѣ въ грамматикѣ законодавцемъ быть не дерзаю*, памятуя то, что грамматика повинуется языку, а не языкъ грамматикѣ“.

Въ оправданіе такой его осторожности и нерѣшительности, надо вспомнить, что̀ онъ разказываетъ о своемъ писательскомъ поприщѣ въ *Трудолюбивой Пчелѣ* (въ статьѣ: „Къ несмысленнымъ риѳмотворцамъ“):

„*Я будто сквозь дремучій лѣсъ*, скрывающій отъ очей жилище Музъ, *безъ проводника проходилъ*, и хотя я много долженъ Расину, но его увидѣлъ я уже тогда, когда вышелъ изъ сего лѣса, и когда Парнасская гора предъявилася взору моему. Но Расинъ французъ и въ русскомъ языкѣ мнѣ дать наставленіе не могъ. *Русскимъ языкомъ и чистотою того склада ни стиховъ, ни прозы не долженъ я никому, кромѣ себя; да долженъ я за первыя основанія въ русскомъ языкѣ отцу моему*, а онъ тѣмъ долженъ Зейкему, который выписанъ былъ отъ Государя Императора Петра Великаго въ учители къ господамъ Нарышкинымъ и который послѣ былъ учителемъ Государя Императора Петра II-го“.

При такихъ условіяхъ ничего нѣтъ страннаго, что Сумароковъ писалъ безграмотно: чево, моево, етова, севодни; въ словахъ: дверь, бредъ, брежу, вредъ, ревновать, ревнивый, чей—писалъ ѣ, и тому подобное. Мы видѣли, что онъ связывать себя неопредѣленными и еще не установившимися грамматическими правилами не желалъ, и потому писалъ по слуху, перековеркивая даже иностранныя слова, правописаніе которыхъ должно было быть ему извѣстно; напримѣръ, слово корреспонденція онъ писалъ каришпанденція.

Вопросы правописанія были въ то время главнѣйшими; ими занималась и здѣшняя Академія Наукъ, и Тредьяковскій, и Ломоносовъ. Высказался по этимъ вопросамъ и Сумароковъ въ статьѣ: „*О правописаніи*“, въ которой встрѣчаемъ нѣсколько весьма дѣльныхъ замѣчаній, напримѣръ, о правописаніи приставокъ воз—и раз—, о неправильности сокращенія слова *нынѣ* въ *нынъ*, ибо *ѣ* въ *ъ* не превращается, о необходимости не смѣшивать частицы *не* и *ни*. Говоря объ окончаніяхъ степеней сравненія, онъ утверждалъ, что счетъ и мѣра степеней не имѣютъ, и потому если говорить *первѣйшій, по-*

слѣдпѣйшій, главнѣйшій, то можно говорить и *трехпудпѣйшій, трехаршиннѣйшій*. Введенныхъ Тредьяковскимъ удареній надъ словами Сумароковъ не признавалъ и въ своей *Трудолюбивой Пчелѣ*, по совѣту сотрудниковъ своихъ Казицкаго и Мотониса, ихъ исключилъ. Ударенія эти Тредьяковскій называлъ *силой*. Возражая ему и доказывая ненужность удареній, Сумароковъ (въ статьѣ: „Къ типографскимъ наборщикамъ“) ссылался на иностранные языки, въ которыхъ удареній не ставится.

„Лучше ставить силу надъ словами *чужестранными*“, говоритъ онъ, „въ которыхъ намъ нѣтъ нужды и которыя присвоены быть не могутъ, *и для того ихъ силою почтить, что они силою въѣхали въ языкъ нашъ* и которыя трудно выжить, потому что десять человѣкъ выталкиваютъ, а многія ихъ тысячи вводятъ. *Это мнѣ смѣшно, что мы втаскиваемъ чужія слова*, а то еще и смѣшнѣе, что тому немногіе смѣются, хотя языкъ народа и не послѣднее дѣло въ народѣ“.

Въ дополненіе къ этимъ словамъ Сумарокова можно припомнить сказанное извѣстнымъ писателемъ—историкомъ Болтинымъ: „Въ царствованіе императрицы Елизаветы *введено было въ языкъ русскій множество словъ французскихъ не по нуждѣ*, о по буйственному пристрастію ко всему, что называется французскимъ; но... чуждыя тѣ слова *въ писаніе не были введены*, понеже употребляли ихъ по большей части люди *безграмотные*“ [1]).

Сумароковъ вообще былъ противъ безполезнаго заимствованія чужихъ словъ и даже написалъ особую статью: „*О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка*“, въ которой утверждалъ, что „воспріятіе чужихъ словъ, а особливо безъ необходимости, есть не обогащеніе, но порча языка.... Какая нужда говорить вмѣсто плоды—фрукты, вмѣсто опахало—вѣеръ, вмѣсто епанечка—мантилья, и т. д. „Сказывано мнѣ, что нѣкогда нѣмка Московской нѣмецкой слободы говорила: Mein мужъ kam домой, stieg черезъ заборъ und fiel ins грязь. Это смѣшно, да и это смѣшно: Я въ дистракціи и въ дезеспере; аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите, а я а кусюръ противъ риваля своего буду реванжироваться“ [2]).

На эту же тему написана Сумароковымъ и басня: „*Порча языка*“, въ которой онъ даетъ такой совѣтъ:

---

[1]) *Будиловичъ*, Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ.

[2]) *Трудолюбивая Пчела* 1759, январь.

„Во вѣкъ отеческимъ языкомъ не гнушайся
И не вводи въ него
Чужаго ничего,
Но собственной своей красою украшайся“.

Въ статьѣ „Сонъ“, въ „Челобитной Мельпоменѣ на иноплеменниковъ, утѣсняющихъ Россійскихъ Музъ“, Сумароковъ говоритъ:

„Прекрасный и всѣхъ европейскихъ языковъ ко исполненію нашей (то-есть, писателей) должности способнѣйшій языкъ Россійскій *отъ иноплеменническихъ нарѣчій и отъ иноплеменническаго склада часъ отъ часу въ худшее приходитъ состояніе*“.

Ревнуя о русскомъ языкѣ, мечтая возвести его на высшую степень совершенства, Сумароковъ, въ „*Епистолѣ о русскомъ языкѣ*“ говоритъ:

„Такой намъ надобенъ языкъ, какъ былъ у грековъ,
Какой у римлянъ былъ, и, слѣдуя въ томъ имъ,
Какъ нынѣ говоритъ Италія и Римъ,
Каковъ въ прошедшій вѣкъ прекрасенъ сталъ французской,
Иль наконецъ сказать, каковъ способенъ русской.
Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ;
Но нѣтъ довольнаго числа на немъ писцовъ“.

Про тогдашнихъ любителей говорить на иностранныхъ языкахъ и вплетать въ русскую рѣчь иностранныя слова, Сумароковъ, въ томъ же стихотвореніи, говоритъ:

„Другой, не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По-русски, думаетъ, всего сказать не можно,
И взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь
Языкомъ собственнымъ, достойну только сжечь“.

Въ статьѣ „Къ типографскимъ наборщикамъ“ онъ жалуется, „*что мы свой выговоръ и языкъ портимъ намѣрены*, и во всякихъ обстоятельствахъ нѣмецкой и французской языкъ прекрасному своему языку предпочитаемъ, котораго красоты многіе и не знаютъ“.

Такія жалобы неоднократно встрѣчаются у Сумарокова. Въ статьѣ: „*О коренныхъ свойствахъ Русскаго языка*“ онъ говоритъ:

„На что-жъ намъ чужія слова вводить, когда мы, по естеству и по примѣру предковъ нашихъ, своихъ изъ первоначальныхъ словъ довольно произвести можемъ? Чужія слова всегда странны будутъ, и знаменованія ихъ не такъ изъяснительны, и слѣдственно введутъ слабость и безобразіе въ сильный и прекрасный языкъ нашъ. А то еще и страннѣе, когда мы то называемъ или и пишемъ иностранными словами, чему у насъ есть точныя свои названія, и имѣя древ-

ній и не смѣшанный языкъ, портя его, слова изъ новыхъ и смѣшанныхъ вводимъ... Французскій языкъ всею своею красотою остроумнымъ писателямъ долженъ, а нашъ самъ собою прекрасенъ; и ежели умножатся у насъ стихотворцы и риторы, *а при томъ по времени такое же, какъ у французовъ, учредится для исправленія и распространенія языка собраніе, счастливы будутъ писатели потомковъ нашихъ*“ [1]).

Такимъ образомъ, Сумароковъ пришелъ къ совершенно вѣрной мысли, что для сохраненія, очищенія и усовершенствованія родной рѣчи нашей необходимо учредить особое общество, которое соединенными силами гораздо успѣшнѣе можетъ бороться съ встрѣчавшимися на каждомъ шагу въ данномъ вопросѣ затрудненіями.

Ту же мысль онъ повторилъ потомъ въ челобитной Мельпоменѣ: „*О заведеніи ученаго словесныхъ наукъ собранія, въ которомъ бы старалися искусные писатели о чистотѣ россійскаго языка* и о возращеніи россійскаго краснорѣчія, иноплеменники, наблюдая собственное свое прибыточество и вражду къ россійскому парнасу, никогда и не думывали, хотя такія собранія необходимо нужны; ибо безъ того науки ни въ которомъ государствѣ совершеннаго процвѣтанія не имѣли и имѣть не могутъ; да и подъ игомъ иноплеменниковъ науки успѣховъ имѣти не могутъ“.

Здѣсь, очевидно, Сумароковъ имѣетъ въ виду тѣхъ иноплеменниковъ, которые, въ качествѣ академиковъ и профессоровъ, разрабатывали въ Россіи науку и просвѣщали россійское юношество на всевозможныхъ иностранныхъ языкахъ, кромѣ только одного русскаго. За исключеніемъ нѣсколькихъ, весьма немногихъ почтенныхъ именъ, иноземцы эти составляли тѣсно сплоченное сообщество, которое, какъ чужеядное растеніе, высасывало изъ нашего общественнаго тѣла лучшіе соки. Противодѣйствіе отдѣльныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ одиноко, безъ поддержки сочувствующаго имъ общества, не только такихъ, какъ Тредьяковскій и Сумароковъ, но даже и такихъ самоотверженныхъ, твердыхъ и рѣшительныхъ, какъ Ломоносовъ, посвятившій всю жизнь свою на борьбу „съ непріятелями наукъ россійскихъ“, не могло привести къ сколько нибудь опредѣленнымъ и окончательнымъ послѣдствіямъ. Очевидно, дѣлу недоставало твердой почвы; ревнителямъ русскаго слова не на что было опереться.

Наконецъ, основанъ былъ Московскій университетъ, и съ нимъ

---

[1]) *Трудолюбивая Пчела*, 1759, февраль.

явилась, наконецъ, и та твердая почва, на которой усилія сторонниковъ русской самобытности вообще и свободнаго, естественнаго развитія родной нашей рѣчи въ частности должны были найдти точку опоры, пустить корни и дать роскошные плоды. Что тогдашніе русскіе люди, руководствуясь чувствомъ народнаго самоуваженія, такъ именно и поняли значеніе вновь основаннаго образовательнаго учрежденія, обнаружилось тотчасъ же, въ самый годъ открытія университета. Хотя въ Высочайше утвержденномъ проектѣ Шувалова объ учрежденіи Московскаго университета и было сказано (§ 9): „Всѣ публичныя лекціи должны предлагаемы быть либо на *латинскомъ*, либо на *русскомъ* языкѣ, смотря какъ по приличеству матерій, такъ и потому, иностранный ли будетъ профессоръ или природный русскій“ (Полн. Собр. Зак. т. XIV), но вслѣдствіе того, что первые профессора Московскаго университета были почти всѣ иностранцы, въ преподаваніи употреблялись языки иностранные, — латинскій, французскій, нѣмецкій,—что, конечно, весьма затрудняло слушателей.

Въ 1757 году поступилъ, напримѣръ, въ Московскій университетъ профессоръ математики и физики, Иванъ Акимовичъ Ростъ, который зналъ восемь языковъ: латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій, итальянскій и испанскій, но не зналъ русскаго. Когда австрійскій императоръ Іосифъ II, подъ именемъ графа Фалькенштейна, бывши въ Москвѣ, посѣтилъ университетъ и былъ, между прочимъ, на лекціи Роста, то послѣдній спросилъ его: *на какомъ языкѣ его величеству угодно слушать лекцію?* Императоръ избралъ языкъ итальянскій и остался весьма доволенъ краснорѣчивымъ изложеніемъ профессора (Слов. профес. Моск. унив., II, 367).

Къ счастію, въ самый годъ основанія университета (1755) вступилъ въ него профессоромъ философіи *ученикъ Ломоносова* Николай Никитичъ *Поповскій*, извѣстный переводчикъ „Опыта о человѣкѣ“ Поппа.

Передъ началомъ лекцій онъ произнесъ *вступительную рѣчь* (напечатанную въ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ*, 1755, авг.). Въ ней онъ возставалъ противъ исключительнаго употребленія въ философіи латинскаго языка и утверждалъ, что ее, какъ самую главную науку, надо читать на языкѣ отечественномъ.

„Кто хочетъ научиться философіи, говорилъ онъ, тотъ долженъ искать стараго Рима, или, яснѣе сказать, долженъ пять или больше лѣтъ употребить на изученіе латинскаго языка. Какой тяжелый доступъ! Но напрасно мы думаемъ, будто ей столь много латинскій

языкъ понравился. Я чаю, что ей умершихъ и въ прахъ обратившихся уже Римлянъ разговоръ довольно наскучилъ. Она весьма соболѣзнуетъ, что при первомъ свиданіи никто полезнѣйшими ея совѣтами наслаждаться не можетъ. Дѣти ея, ариѳметика, геометрія, механика, астрономія и прочія, съ народами разныхъ языковъ разговариваютъ, а мать, странствовавши чрезъ толикое множество лѣтъ по толь многимъ странамъ, ни одного языка не научилась! Наука, которая разсуждаетъ о всемъ, что ни есть въ свѣтѣ, можетъ ли довольствоваться однимъ римскимъ языкомъ, который, можетъ быть, и десятой части ея разумѣнія не вмѣщаетъ? Коль далеко простирается ея понятіе, въ коль многихъ странахъ обрѣтаются тѣ вещи, которыя ея подвержены разсужденіямъ, толь многіе языки ей приличны. Въ семъ случаѣ, всего досаднѣе то, что многимъ наукамъ, изъ которыхъ иныя и не всякому могутъ быть полезны, всякій человѣкъ на своемъ языкѣ обучаться можетъ: напротивъ того, у философіи, которая предписываетъ общія пути и средства всему человѣческому благополучію, никто не можетъ потребовать совѣта, когда не научится по латынѣ“.

Поэтому, Поповскій, уже совершившій свой переводъ „Опыта о человѣкѣ“, въ которомъ удачно передалъ по русски многія отвлеченныя понятія, *настаивалъ на необходимости преподавать философію по русски*. „Вѣкъ философіи не кончился съ Римомъ,— говоритъ онъ въ той же вступительной рѣчи, „она со всѣми народами послѣдующихъ вѣковъ на ихъ языкѣ разговаривать не отречется; мы причиняемъ ей великій стыдъ и обиду, когда думаемъ, будто она своихъ мыслей ни на какомъ языкѣ истолковать, кромѣ латинскаго, не можетъ. Прежде она говорила съ греками; изъ Греціи переманили ее римляне; она римскій языкъ переняла весьма въ короткое время, и несмѣтною красотой разсуждала по римски, какъ не задолго прежде по гречески. Не можемъ ли и мы ожидать подобнаго успѣха въ философіи, какой получили римляне?... Что же касается до изобилія россійскаго языка, въ томъ предъ нами римляне похвалиться не могутъ. *Нѣтъ такой мысли, кою бы по россійски изъяснить было невозможно*. Что-жъ до особливыхъ надлежащихъ къ философіи словъ, называемыхъ терминами, въ тѣхъ намъ нечего сомнѣваться. Римляне по своей силѣ слова греческія, у коихъ взяли философію, переводили по римски, а коихъ не могли, тѣ просто оставляли. По примѣру ихъ то-жъ и мы учинить можемъ... Итакъ, съ Божіимъ споспѣшествованіемъ начнемъ философію не такъ, чтобы разумѣлъ только одинъ изъ всей Россіи, или нѣсколько

человѣкъ, но такъ, чтобы каждый, россійскій языкъ разумѣющій, могъ удобно ею пользоваться“ [1]).

Эти ясныя и основательныя разсужденія Поповскаго мало помогли, однако, дѣлу и повлекли даже для самого автора много непріятныхъ столкновеній съ его товарищами—иностранцами: Дильтеемъ, Фроманомъ, Керштенсомъ и Шаденомъ. Споръ этотъ тянулся болѣе десяти лѣтъ и только въ 1767 году рѣшенъ вмѣшательствомъ самой императрицы Екатерины II. Прибывъ въ Москву на открытіе комиссіи о сочиненіи новаго уложенія, она, по докладѣ ей этого дѣла, *приказала читать въ университетѣ лекціи на русскомъ языкѣ*, о чемъ и было тогда объявлено въ газетахъ. Но этимъ высочайшимъ указомъ покончень былъ только споръ между профессорами. На дѣлѣ же долго еще и послѣ этого преподаваніе и публичныя лекціи въ университетѣ происходили на иностранныхъ языкахъ — латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ.

Но взгляды Поповскаго все-таки не остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Они нашли горячую поддержку въ одномъ изъ кураторовъ Московскаго университета, Иванѣ Ивановичѣ Мелиссино, по мысли котораго осуществилось, наконецъ, страстное желаніе всѣхъ тогдашнихъ почитателей самобытной русской мысли и самобытной русской рѣчи, и при Московскомъ университетѣ образовалось общество, на необходимость котораго указывалъ, какъ мы видѣли, Сумароковъ, общество, имѣвшее цѣлью научную обработку русскаго языка.

Въ іюнѣ 1771 года было напечатано и разослано слѣдующее объявленіе: „Императорскій Московскій университетъ, почитая распространеніе наукъ между прочимъ за главный свой предметъ и за дѣло не меньше благоугодное ея императорскому величеству, августѣйшей россійскихъ музъ покровительницѣ, какъ и полезное всему отечеству, вознамѣрился *для исправленія и обогащенія россійскаго языка*, чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ сочиненій и переводовъ, стихами и прозою, *учредить въ Москвѣ Вольное Россійское Собраніе*“. Далѣе члены приглашались сообщать въ собраніе свои сочиненія на россійскомъ или на иностранномъ какомъ языкѣ, также и переводы съ иностранныхъ языковъ на россійскій, для помѣщенія въ повременномъ изданіи собранія (статьи на иностранныхъ языкахъ, конечно, въ переводѣ). Матеріаломъ для статей и для повременнаго изданія могли быть историческіе акты и бумаги,

[1]) Слов. проф. Моск. унив., II, 309—310.

хранившіеся въ общественныхъ и частныхъ архивахъ и библіотекахъ. Это будетъ содѣйствовать приведенію въ совершенство россійской исторіи, а также исторіи законоискусства россійскаго. „*Исправленіе же и совершеніе россійскаго языка имѣетъ составлять особливый предметъ сего собранія; а сочиненіе правильнаго россійскаго словаря по азбукѣ будетъ первый присутствующихъ трудъ*“.

„Побудитель къ заведенію вольнаго сего россійскаго собранія“ былъ кураторъ Московскаго университета Ив. Ив. Мелиссино. Директоръ университета М. Б. Приклонскій назначенъ былъ постояннымъ членомъ, а университетская библіотека „для употребленія сему собранію отворена будетъ“.

Любители наукъ, „а особливо россійскаго слова“, желающіе вступить членами въ это собраніе, приглашались заявить объ этомъ директору университета. Доставлять собранію статьи для помѣщенія въ повременномъ изданіи могли и постороннія лица [1]).

Первое засѣданіе собранія назначено было 2-го августа 1777 г. въ университетской библіотекѣ.

Въ немъ было рѣшено, что засѣданія будутъ происходить еженедѣльно по субботамъ, отъ 3—6 или отъ 4 до 7 час. вечера. Всѣ профессора университета признаны вмѣстѣ съ тѣмъ и членами собранія. Предсѣдателемъ назначенъ одинъ изъ кураторовъ университета, и первымъ избранъ былъ, конечно, основатель собранія, Ив. Ив. Мелиссино. Помощникомъ или намѣстникомъ собранія назначенъ директоръ университета. Оба — для доставленія „необходимой всякаго рода помощи сему собранію отъ университета“.

Разразившаяся въ этотъ годъ надъ Москвою чума прервала дѣятельность собранія въ самомъ началѣ, но по прекращеніи эпидеміи засѣданія возобновились, „*при чемъ дѣланы различные опыты къ сочиненію Россійскаго словаря*“, и разсматривался *церковный словарь* П. Алексѣева, который, по напечатаніи, поднесенъ былъ императрицѣ.

Къ архіереямъ и другимъ духовнымъ особамъ обратились письменно съ просьбой *о сообщеніи собранію рѣдкихъ словъ, въ ихъ вѣдомствахъ употребительныхъ, а въ Москвѣ малоизвѣстныхъ*, также лѣтописей и другихъ извѣстій историческихъ. Отъ многихъ лицъ дѣйствительно получены были сообщенія, разныя сочиненія и не

---

[1]) „Опытъ трудовъ Вольнаго россійскаго собранія“, ч. 1-я, 1774 г. Предувѣдомленіе о началѣ, распоряженіяхъ и нынѣшнемъ состояніи Вольнаго россійскаго собранія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

мало книгъ, и все это хранилось для помѣщенія въ повременномъ изданіи собранія. Собираніе и приведеніе въ азбучный порядокъ реченій для *общаго словаря* поручено было одному изъ членовъ, а собраніе его работу обсуждало.

Собраніе задумало также издать и *географическій словарь*, для чего напечатало и разослало архіереямъ и губернаторамъ окружное письмо, съ просьбой приложенный къ письму экземпляръ Географическаго словаря Ѳ. Полунина просмотрѣть и дополнить. На это отъ многихъ особъ собраніе получило „весьма благосклонныя отвѣтствія и обнадеживанія“ [1]).

Въ числѣ членовъ этого собранія, кромѣ профессоровъ университета. мы встрѣчаемъ имена многихъ высокопоставленныхъ лицъ и писателей: гр. П. Б. Шереметева, кн. П. И. Репнина, кн. С. М. Голицына, кн. С. Б. Мещерскаго, кн. Н. С. Долгорукова, кн. Н. И. Одоевскаго, кн. М. М. Щербатова, кн. Г. А. Потемкина, кн. Е. Р. Дашковой, А. А. Нартова, М. И. Веревкина, Гер. Миллера, протоіерея П. А. Алексѣева, Н. И. Новикова, В. Г. Рубана, М. М. Хераскова, В. И. Майкова, Д. И. Фонъ-Визина, гр. Д. И. Хвостова, Ѳ. О. Туманскаго, И. П. Тургенева, И. В. Лопухина, С. И. Гамалеи. А. П. Сумарокова и многихъ другихъ.

При открытіи собранія, 2-го августа 1771 г., предсѣдатель его, Ив. Ив. Мелиссино сказалъ рѣчь, напечатанную въ 1-мъ томѣ „Трудовъ“.

Упомянувъ о собраніяхъ ученыхъ людей у древнихъ народовъ, авторъ говоритъ о паденіи наукъ въ средніе вѣка, когда „языкомъ науки были языки греческій и латинскій“. „Сіе долговременное ученіе чужестранныхъ и мертвыхъ языковъ, по точному изслѣдованію, единственнымъ было препятствіемъ, *что науки въ Европѣ не могли заблаговременно распространяться.* Усмотрѣли сіе наконецъ нѣкоторые народы; и хотя они думали, что природный языкъ удобнымъ быть можетъ для ученія средствомъ, однако въ семъ мнѣніи были они осторожны: ибо не оставляли совсѣмъ ученыхъ языковъ, зная, сколь оные нужны къ достиженію наукъ на природномъ языкѣ“.

Въ этихъ словахъ нельзя не признать искусной попытки примирить двѣ враждовавшія въ то время партіи профессоровъ: русскую и

---

[1]) Всѣ свѣдѣнія о составѣ и дѣятельности вольнаго россійскаго собранія извлечены изъ его протоколовъ, напечатанныхъ въ его повременномъ изданіи: „Опытъ трудовъ Вольн. Росс. Собр.“.

иноземную, о которыхъ сказано было выше. Противники Поповскаго, возражая ему, именно и защищали латинскій языкъ, какъ языкъ науки, и высказывали опасенія, „чтобы удобство слушать философскія лекціи по-русски не увлекло всѣхъ другихъ учениковъ *и не отклонило ихъ отъ латинскаго языка*, изученіе котораго есть главная цѣль (?!) учрежденія университета и основаніе всѣхъ наукъ, *а большая часть не имѣетъ къ нему охоты*“ [1]).

Высказанный Мелиссино взглядъ не былъ новостью въ нашей тогдашней ученой литературѣ. За нѣсколько лѣтъ до открытія Вольнаго россійскаго собранія подобный же взглядъ высказанъ былъ въ издававшихся здѣшней академіей наукъ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ*. Въ библіографической замѣткѣ по поводу вышедшаго въ 1763 году „Словаря на шести языкахъ: россійскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, изданнаго въ пользу учащагося россійскаго юношества“, въ январьскомъ нумерѣ *Ежемѣсячныхъ Сочиненій* 1764 г. сказано было:

„Къ познанію вещей ученіе многихъ языковъ столь нужнымъ быть стало въ нынѣшнія времена, сколь нужно было въ древнія греческаго, а въ новѣйшія латинскаго языка. Должно признаться, что сіе не малаго времени и труда стоитъ охотникамъ къ наукамъ; но напротивъ того награждаются они многоразличнымъ знаніемъ о вещахъ, обогащаютъ мысли, просвѣщаютъ разумъ. Не смѣли прежде римляне и за невозможность почитали учиться наукамъ и художествамъ на своемъ языкѣ, упражняясь въ оныхъ на одномъ греческомъ. Но когда Цицеронъ и ему подобные, всѣ трудности преодолѣвъ, употребили раченіе, чтобы прославить природный свой языкъ, то напослѣдокъ и ихъ языкъ столько же славенъ и ко снисканію наукъ способенъ сталъ, сколько и греческій. Въ сіе похвальное соперничество въ недавнія времена вступили многіе европейскіе народы, и трудами ученыхъ людей доведены ихъ языки до такого совершенства, что мало въ чемъ уступаютъ греческому и латинскому. Можно на оныхъ почти всѣмъ наукамъ учиться, можно читать совершенныя и во многомъ отъ древнихъ превосходнѣйшія сочиненія, а о художествахъ еще лучшее понятіе получать можно изъ книгъ нынѣшнихъ европейскихъ языковъ, нежели греческаго и латинскаго. *Таковое стараніе должно употреблять о прославленіи и способности къ наукамъ нашего россійскаго языка, которое уже отъ нѣкоторыхъ рачитель-*

[1]) Слов. проф. Моск. унив., II, 319.

ныхъ людей и употребляется, но я смѣло увѣрить могу, что мы къ сему вѣчно достигнуть не можемъ, ежели не пойдемъ тѣмъ же путемъ, которымъ шли другіе европейскіе народы. Упражнялись они сперва въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, читали славнѣйшихъ людей на оныхъ языкахъ сочиненія, переводили оныя на свои языки, а потомъ уже, узнавъ превосходный разумъ и красоту оныхъ, начали писать сами и столь тѣми прославились, что мы имъ не меньше подражать можемъ, какъ греческимъ и латинскимъ писателямъ" (стр. 77—79).

Послѣ приведенной нами оговорки на счетъ классическихъ языковъ, Мелиссино далѣе говоритъ, что европейскіе народы въ средніе вѣка, „очищая грубость своихъ языковъ, прилагали свое стараніе о приведеніи оныхъ въ правила; исправляли правописаніе, прилежно старались о изъясненіи и истолкованіи всѣхъ до художествъ и наукъ принадлежащихъ словъ, писали книги съ великимъ исправности наблюденіемъ о каждой части наукъ, которыя по новости своей привлекали многихъ любопытныхъ и слѣдовательно для предлежащаго намѣренія нужными и полезными учинились. И такимъ образомъ чрезъ сообщеніе многихъ искусныхъ мужей, какъ въ общихъ, такъ и въ частныхъ собраніяхъ, не токмо языки многихъ народовъ были исправлены, но чрезъ исправленіе оныхъ *и самый путь къ достиженію наукъ облегченъ былъ*".

Такимъ образомъ, съ вопросомъ объ усовершенствованіи языка связывался, что вполнѣ понятно, вопросъ объ облегченіи средствъ къ просвѣщенію. Прежде всѣхъ принялись за исправленіе своего языка итальянцы, за ними нѣмцы, потомъ французы.

„Франція въ то же самое почти время весьма довольно доказала, *какую пользу науки и художества отъ исправленія природнаго языка получить могутъ*, что и побудило Европу къ прилежнѣйшему старанію о исправленіи своихъ языковъ, учрежденіемъ таковыхъ (то-есть, какъ французская академія) обществъ".

Переходя отъ этого обзора того, что сдѣлано было для усовершенствованія туземныхъ языковъ въ различныхъ государствахъ Европы, къ тому, что предстояло дѣлать въ той же области Вольному россійскому собранію, Мелиссино говоритъ:

„Излишнее было бы дѣло, почтеннѣйшее собраніе, если бы я пространно разсуждать хотѣлъ о достоинствѣ нашего природнаго языка, о древности и изобиліи онаго, какъ въ изображеніи, такъ и

въ соединеніи словъ, о превосходной способности къ изложенію ученыхъ истинъ; или бы о надобности старанія въ прилежнѣйшемъ исправленіи и очищеніи онаго пространно вамъ представлять вознамѣрился.....

„Мы должны соединить наши силы и стремиться, сколько отъ насъ зависѣть можетъ, ко исполненію Августѣйшаго Ея (то-есть, Императрицы Екатерины II) изволенія. Мы должны наконецъ своимъ примѣромъ другихъ побуждать къ подражанію. Если должность наша состоять имѣетъ въ томъ, чтобы распространеніе истиннаго ученія облегчать и оному споспѣшествовать, а любителей наукъ возбуждать: то *надлежитъ намъ пещися, чтобъ изъ всѣхъ частей ученія наши сограждане полезнѣйшее на природномъ своемъ языкѣ читать могли; то-есть, намъ должно о исправленіи нашего природнаго языка нужное и съ благоразуміемъ соединенное имѣть стараніе.* Не всякому обстоятельства дозволяютъ учиться чужестраннымъ языкамъ; но всякому полезно о ученыхъ истинахъ пріобрѣтать понятіе. Сіе пріобрѣтеніе тогда легкимъ и возможнымъ будетъ, когда такія сочиненія на природномъ языкѣ всякъ передъ глазами имѣть будетъ.

„*Надобность въ томъ состоитъ*, и для кратчайшаго изъясненія многихъ наукъ великая удобность, *чтобъ художественныя слова, или такъ называемыя техническія реченія, вразумительно истолкованы были.* Не малая и то заслуга, когда сіи реченія на своемъ природномъ языкѣ внятно и ясно изобразить, и чрезъ то людямъ различнаго понятія точный способъ къ познанію истины показать можно.

„Польза такого старанія какъ для языка, такъ и въ разсужденіи вещей, есть очевидна. Языкъ хорошими сочиненіями понравится наконецъ и такимъ людямъ, которые, привыкнувъ къ чужестранной важности и красотѣ, къ ясному предложенію и хорошему слогу, неисправно на своемъ природномъ языкѣ писанныхъ сочиненій читать не хотятъ. Вещь же, изрядно предложенная, новостію своею, рѣдкостію, пріятностію и пользою, привлекаетъ къ чтенію и такихъ, которые на суетныя, низкія, безполезныя, или еще и вредныя матеріи ни времени, ни денегъ тратить не хотятъ. Ясно видимо изъ сего, сколь пространное для нашихъ трудовъ открывается поле“.

Изъ помѣщенныхъ въ „Опытѣ Трудовъ“ Общества статей интересно напечатанное въ III части: „Предложеніе о исправленіи, распространеніи и установленіи Англійскаго языка“. Статья эта напечатана съ примѣчаніями сообщившаго ее „Англомана“ М. И. Пле-

щеева [1]), въ которыхъ, между прочимъ, такъ опредѣлялось то, чего недоставало въ то время русскому языку.

По поводу слѣдующихъ словъ статьи: „всѣ согласились, что ничто не можетъ больше способствовать къ совершенству знанія и вкуса, какъ дѣйствительный способъ для исправленія, распространенія и установленія нашего (англійскаго) языка“, въ примѣчаніи Англомана сказано: „Ни который языкъ въ семъ столько нужды не имѣетъ, какъ Россійской. Онъ требуетъ многихъ исправленій, и хотя онъ изобиленъ, однако онъ долженъ быть распространенъ; *много словъ ему недостаетъ*; но всего больше нужно оной установить. *Мы еще колеблемся въ разныхъ грамматическихъ правилахъ, и есть множество словъ въ нашемъ языкѣ, которыя не имѣютъ опредѣленнаго смысла. Мы не имѣемъ метафизическаго языка*, безъ котораго о многихъ матеріяхъ писать невозможно. Симъ предметамъ можетъ слѣдовать всякой, кто для Россійскаго языка предпріять захочетъ то, что авторъ сего письма для англійскаго предлагаетъ. *Чтобъ исправить нашъ языкъ, надлежитъ утвердить грамматическія правила, кои не утверждены, или отъ коихъ многіе удалились, и исключить изъ онаго все то, что ему не свойственно; чтобъ распространить оной, должно изобрѣсть многія слова или занять ихъ изъ чужестранныхъ языковъ; чтобъ оной установить, должно имѣть лексиконы, опредѣляющіе смыслъ словъ*, и другія сочиненія, гдѣ сила ихъ должна необходимо быть съ точностію означена“.

Особенно интересно мнѣніе Англомана о томъ, какъ относиться къ присутствію въ языкѣ иностранныхъ словъ, о чемъ, какъ мы видѣли, много говорилось въ то время.

„Весьма противенъ распространенію, а нѣкоторымъ образомъ и установленію нашего языка, говоритъ онъ въ томъ же примѣчаніи, *обычай, введенный съ нѣкотораго времени, откидывать всѣ чужестранныя слова, кои уже въ общемъ употребленіи* и, если такъ осмѣлюсь сказать, натурализованы были, и изображать оныя Россійскими словами, которыхъ никто не разумѣетъ, или по крайней мѣрѣ не столь ясное понятіе съ ними сопрягаетъ, какъ съ первыми. Мы видимъ, что нѣтъ народа, у коего науки и художества сколько нибудь цвѣтутъ, который бы не заимствовалъ отъ другихъ языковъ. Англійскій и французскій языкъ ни малаго сходства съ греческимъ не имѣ-

---

[1]) *В. С. Карцовъ* и *М. Н. Мазаевъ*, „Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей“, стр. 9.

ютъ: однако въ нихъ нѣсколько тысячъ греческихъ словъ, кои въ языкъ ихъ приняты, и коихъ они переводить не стараются. Почти всѣ слова, употребляемыя въ наукахъ и художествахъ, которыя у грековъ и римлянъ начало имѣли, всѣ греческія или латинскія, и въ земляхъ, гдѣ сіи науки и художества цвѣтутъ, въ общемъ употребленіи. Англичане хотя изобильный языкъ имѣютъ, однако многіе технические термины, кои у другихъ народовъ въ употребленіи, безъ всякой перемѣны принимаютъ. Въ Англіи человѣкъ, говоря о соединеніи свѣта и тѣни въ живописи, скорѣе употребитъ chiar oscuro, нежели light and shade, то-есть, свѣтъ и тѣнь".

По поводу жалобы автора, что англійскій языкъ утратилъ *простоту,* въ примѣчаніи сказано: „Мнѣ кажется, что мы мало стараемся до сего совершенства (то-есть, до простоты) достигнуть; мы думаемъ, что нельзя хорошо писать, не употребя отмѣнныхъ, надутыхъ и долгихъ словъ и не возвышая свой штиль, отъ чего онъ часто весьма принужденъ бываетъ".

Въ этомъ Плещеевъ вполнѣ сошелся съ Сумароковымъ, который тоже, какъ извѣстно, не одобрялъ напыщенности, надутости и высокопарности тогдашняго поэтическаго слога. Въ статьѣ „Къ несмысленнымъ риѳмотворцамъ" [1]) онъ говоритъ имъ: „Всего болѣе совѣтую вамъ въ великолѣпныхъ упражняться одахъ; ибо многіе читатели, да и сами нѣкоторые лирическіе стихотворцы разсуждаютъ тако, что никакъ невозможно, чтобъ была ода и великолѣпна и ясна: *по моему мнѣнію, пропади такое великолѣпіе, въ которомъ нѣтъ ясности.* Многіе говорили о архіепископѣ Ѳеофанѣ (Прокоповичѣ), что проповѣди его не очень хороши, потому что они просты; *что похвальныя естественныя простоты, искусствомъ очищенной, и что глупье сихъ людей, которые внѣ естества хитрости ищутъ?* Но когда такихъ людей много, слагайте, несмысленные виршеплетатели, оды, лишь только темнѣе пишите".

Но тогдашніе ревнители русскаго слова могли, сколько хотѣли, вопіять противъ бросавшихся въ глаза недостатковъ современнаго имъ литературнаго слога, а дѣлу помочь было пока трудно. Раздававшіяся со всѣхъ сторонъ жалобы показываютъ только, что поэтическое чутье даровитыхъ людей влекло ихъ въ ту сторону, куда и нужно было, но немедленно удовлетворить сознанную уже потребность въ простотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ образности поэтической рѣчи было не-

[1]) *Трудолюбивая Пчела*, 1759, декабрь, 2-е изданіе, стр. 764.

чѣмъ, ибо въ тогдашнемъ литературномъ языкѣ нашемъ почти вполнѣ отсутствовали тѣ привычные поэтическіе обороты рѣчи, которые во вполнѣ литературно развитомъ языкѣ такъ облегчаютъ дѣло даже для писателей мало даровитыхъ. Отсюда и проистекали пресловутые недостатки тогдашней литературной рѣчи: напыщенностью, до рѣзкости и часто до безсмысленности преувеличенными и громкими словами и выраженіями тогдашніе *піиты* (конечно, тѣ, кто были подаровитѣе и не лишены были хоть нѣкоторой доли поэтическаго таланта) именно и старались выразить то, что въ языкѣ, уже обогащенномъ поэтическими оборотами рѣчи, выражается метафорами, эпитетами, олицетвореніями, сравненіями и т. п.

Указаніе на это мы находимъ въ другой статьѣ Плещеева, помѣщенной во II части „Опыта трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія“ подъ заглавіемъ: *„Письмо анлюмана къ одному изъ членовъ Вольнаго Россійскаго Собранія“*. Письмо это написано по поводу приложеннаго къ нему перевода монолога Гамлета: „Быть иль не быть“. Упомянувъ о томъ, что Вольтеръ неудачно перевелъ этотъ монологъ на французскій языкъ, Плещеевъ говоритъ:

„Я еще нашелъ, что говорить на французскомъ языкѣ такъ, какъ Шекспиръ говорилъ на аглинскомъ, почти невозможно, *а на русскомъ можно ему по крайней мѣрѣ подражать*, и когда не силу и не красу его, то духъ его сохранить. Я, однако, только встрѣтилъ затрудненіе, которое однако больше отъ свойства нашего воображенія, нежели отъ свойства нашего языка происходитъ. Мы даемъ больше узъ слогу нашему, нежели сходно съ вольностію нашего языка. *Кажется, что метафорическія тѣ выраженія, кои слогъ и оживляютъ и украшаютъ, не довольно нами приняты; и ежели я не обманываюсь, то я примѣтилъ, что и въ тѣхъ изъ нашихъ писателей, кои самое живое и горячее воображеніе имѣли, неодушевленныя вещи меньше оживотворены и умственныя бытія рѣже подъ чувственнымъ видомъ изображаются, нежели въ чужестранныхъ писателяхъ, а особливо въ Аглинскихъ*... я не знаю, до коихъ поръ мы имъ подражать можемъ. Сіе никому столько не извѣстно, какъ Вамъ, и никто столько не въ состояніи подать примѣръ тѣхъ вольностей, кои нашъ языкъ столь же свободнымъ сдѣлаютъ, сколько онъ изобиленъ, и тѣмъ богатство его умножатъ. Я увѣренъ, что сіе составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ, кои Вольное Россійское Общество имѣетъ“.

Въ отвѣтѣ редакціи на письмо Плещеева (въ той же II части „Трудовъ“) сказано, что онъ *первый изъ постороннихъ* откликнулся

на призывъ Собранія (за что онъ вскорѣ и былъ избранъ въ дѣйствительные члены). Это показываетъ, что Собраніе встрѣтило сочувствіе въ обществѣ. Но раздавались и протестующіе голоса, и, что всего страннѣе, изъ устъ такихъ лицъ, отъ которыхъ всего менѣе можно было этого ожидать. Мы видѣли, что еще до учрежденія Вольнаго Россійскаго Собранія Сумароковъ высказывалъ мысль о необходимости подобнаго общества. Но когда его мысль осуществилась, онъ отнесся къ учрежденному при университетѣ обществу недовѣрчиво и брюзгливо. „Сіе намѣреніе (то-есть, учрежденіе Собранія) произошло отъ усердія, говорилъ онъ, *но сіе усердіе языку въ пагубу превратится*, ибо сіе Общество состоитъ частію изъ ученыхъ, но не изъ ученыхъ въ словесности, а частію изъ неученыхъ; такъ, ни медикъ, ни господичъ пользы языку принести не можетъ, хотя бы медикъ тысячи людей освободилъ отъ чахотки, юристъ отъ разоренія невиннаго отвѣтчика, физикъ постигъ бы первоначальныя частицы вещества, математикъ описалъ бы разстояніе дальнѣйшихъ неподвижныхъ нашему зрѣнію звѣздъ; но ко словесности потребенъ Овидій, Виргилій, Горацій, а не Локъ, Невтонъ и Бургавенъ; частію же сіе Общество изъ дворянъ состоитъ, мало свѣдущихъ о словесныхъ наукахъ; а въ экипажахъ ихъ Парнасу нѣтъ нужды, ибо на сію гору въ каретахъ никто не въѣзжалъ; а Пегасъ и въ одноколку никогда еще впрягаемъ не былъ. *Опасно сіе собраніе* словесности Россійской нашего вѣка и особливо ради того, что худо видящіе писцы, опираясь на цѣлое Общество, и совсѣмъ ослѣпятся и въ неисходимую упадутъ бездну. И можно ли, не имѣя почти авторовъ, и не авторамъ сочинять уже *къ ужасной погибели языка* Лексиконъ“...

Главнымъ плодомъ дѣятельности Вольнаго Россійскаго Собранія были:

1) *Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія*, 1774 — 1783, 6-ть частей.

Въ нихъ помѣщены, кромѣ статей по языку, образцы которыхъ приведены выше, очень интересные и важные *историческіе документы*, сообщенные Герардомъ Миллеромъ, П. Алексѣевымъ, Антономъ Барсовымъ, кн. М. М. Щербатовымъ, М. М. Херасковымъ и др., напримѣръ: Чинъ поставленія Царя Алексѣя Михайловича.

Послужной списокъ бояръ, окольничихъ и другихъ придворныхъ чиновъ, съ 1462 по 1676 г.

Чинъ поставленія на царство царя Ѳедора Алексѣевича.

Свадьба великаго князя Василія Ивановича.

Разрядъ свадьбы князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго и другихъ.

2) *Церковный словарь*, или истолкованіе реченій словенскихъ древнихъ, составленный протоіереемъ Московскаго Архангельскаго собора *Петромъ Алексѣевымъ*. Москва, 1773—1776. 5-ть частей.

До 1818 года онъ выдержалъ четыре изданія, что̀ одно уже доказываетъ его важность, и притомъ не для одной только Россіи, но, подобно грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, и для другихъ славянскихъ племенъ. Протоіерей К. Кустодіевъ, въ статьѣ: „Церковь угорскихъ русскихъ и сербовъ въ ихъ взаимноотношеніи“ (Москва, 1873), сообщаетъ, что въ Австріи, въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи сильно были распространены рукописныя сочиненія по богословскимъ предметамъ, даже такія, которыя давно были напечатаны. Въ числѣ этихъ сочиненій, говоритъ протоіерей Кустодіевъ, „*мы видѣли не одинъ рукописный экземпляръ церковнаго словаря московскаго протоіерея Петра Алексѣева*“ (стр. 12).

Этотъ трудъ по своимъ достоинствамъ рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ предшествовавшихъ подобныхъ трудовъ.

Составленіе словарей, какъ необходимыхъ справочныхъ пособій, началось у насъ издавна. Въ нашей рукописной литературѣ они встрѣчаются съ XIII вѣка (съ 1282 г.) и назывались алфавитами, или сказаніями о неудобь понимаемыхъ рѣчахъ. Но до первой половины нынѣшняго столѣтія всѣ они оставались въ рукописяхъ, а многіе и до сихъ поръ не напечатаны. Слѣдовательно, они интересны, какъ рукописные памятники тогдашнихъ трудолюбивыхъ ученыхъ, практическаго же значенія для послѣдующихъ поколѣній они почти не имѣли. Первыми печатными словарями были: „Славяно-россійскій словарь“ *Зизанія*, 1596 г., и „Лексиконъ словено-русскій“ *Памвы Берынды*, 1627 г. Но оба они носятъ весьма замѣтный мѣстный отпечатокъ: первый—литовско-русскій, а второй—южно-русскій, малороссійскій.

За симъ, въ 1704 г., вышелъ въ свѣтъ лексиконъ трехъязычный *Ѳедора Поликарпова*, и, наконецъ, въ 1722 г. изъ типографіи Супрасльскаго монастыря выпущенъ былъ *лексиконъ, сирѣчь словесникъ славянскій*.

Но всѣ эти труды стоятъ гораздо ниже труда П. Алексѣева и пособіемъ ему служить не могли. Только объ одномъ изъ предшествовавшихъ ему старинныхъ словарей мы знаемъ, что онъ имъ пользовался, да и то по неисправному списку. К. Ѳ. Калайдовичъ, въ письмѣ къ графу Н. П. Румянцеву, отъ 15-го марта 1819 г., сообщая,

что онъ нашелъ: „Алфавитъ сказующи толкованіе иностранныхъ рѣчей, обрѣтаемыхъ въ святыхъ книгахъ русскаго языка“, говоритъ: „Петръ Алексѣевъ, почтенный сочинитель Церковнаго Словаря, пользовался симъ алфавитомъ, но списокъ, извѣстный сему ученому мужу, вѣроятно, былъ недостаточенъ, ибо много любопытныхъ статей, въ первомъ находящихся, не внесено въ словарь послѣдняго“ [1]).

Предсѣдатель Вольнаго Россійскаго Собранія, кураторъ Московскаго университета Иванъ Ивановичъ Мелиссино поспѣшилъ представить отъ имени собранія этотъ трудъ одного изъ его членовъ императрицѣ при слѣдующемъ письмѣ (11-го ноября 1773 г.):

„Всемилостивѣйшая Государыня. Подносимаго всеподданнѣйше Вашему Величеству сего церковнаго словаря произведеніемъ было *Высочайшее Ваше о надобности истолкованія церковныхъ реченій напоминаніе*, учиненное словесно по снисхожденію нѣкогда мнѣ еще какъ бывшему вашему всеподданнѣйшему оберъ-прокурору сѵнода. Сохраняя въ незабвенной памяти Вашего Величества слова, которымъ не меньше, какъ и дѣламъ Вашимъ, вѣчность долженствуется, предложилъ я сіе Высочайшее Ваше желаніе потрудившемуся въ семъ предпріятіи собранію, которое въ сходственность и въ поревнованіе Высочайшей Вашей къ россійскому слову любви, общественно со мною изданіе сея книжки приняло за первой къ пользѣ отечества трудъ. Исправленіе россійскаго языка есть главный предметъ трудящагося общества и на какомъ основаніи оное при императорскомъ Вашемъ Московскомъ университетѣ учреждается, о томъ краткое извѣстіе купно съ приносимою книгою повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

„Счастливъ я буду несказанно и сіе вновь учреждающееся собраніе, если сіе *первое* низкаго его труда приношеніе удостоится высочайшаго Вашего императорскаго величества благопріятія и всемилостивѣйшаго покровительства, которому, оное и себя всеподданнѣйше препоручая, остаюсь всемилостивѣйшая государыня, Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Иванъ Мелиссино“ [2]).

Научная оцѣнка словаря П. Алексѣева сдѣлана двумя нашими учеными: И. И. Срезневскимъ и М. И. Сухомлиновымъ, и оба признаютъ за Алексѣевымъ крупную заслугу.

И. И. Срезневскій, разсматривая трудъ П. Алексѣева, говоритъ:

---

[1]) Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс., 1862, кн. III, отд. 1, стр. 154.

[2]) Лѣт. русск. лит. и древн., т. IV, отд. III, стр. 38—39.

„Кто его досталъ, тотъ дорожитъ имъ, хотя бы и зналъ его недостатки, неполноту и ошибки. Неполнота его впрочемъ не безотносительна, потому что на 80 печатныхъ листахъ онъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ 20.000 объясненныхъ словъ, постоянно съ ссылками на книги св. писанія, церковныя, учительныя, историческія и проч., изъ которыхъ эти слова извлечены. Недостатки его простительны тѣмъ болѣе, что матеріала, прежде подготовленнаго, было у него не много... Для того, кто не владѣетъ ни однимъ изъ языковъ иностранныхъ, словарь Алексѣева тѣмъ важнѣе, что въ него вошло много энциклопедическихъ объясненій о предметахъ древностей ветхозавѣтныхъ и христіанскихъ, судьбахъ церкви, особенно православной, о предметахъ разныхъ наукъ и художествъ. Все это теперь отстало, кое-что и просто невѣрно, но замѣнить словарь Алексѣева и въ этомъ отношеніи для большинства русскихъ читателей нечѣмъ“ [1]).

Столь же благопріятный отзывъ даетъ объ этомъ словарѣ и М. И. Сухомлиновъ:

„Для своего времени, говоритъ онъ, трудъ этотъ былъ явленіемъ въ высшей степени замѣчательнымъ; онъ и доселѣ не потерялъ своей цѣны и пригодности при изученіи многихъ памятниковъ русскаго языка и словесности. Писатели XVIII столѣтія привѣтствовали трудъ Алексѣева хвалебными стихотвореніями“ [2]).

Изданіемъ шести частей „Трудовъ“ и словаря П. Алексѣева и ограничиваются всѣ печатные плоды дѣятельности Вольнаго Россійскаго Собранія. Этого, конечно, мало для цѣлаго ученаго общества, но должно принять во вниманіе, во-первыхъ, непродолжительность его существованія, а, во-вторыхъ, то, что значеніе подобныхъ обществъ зависѣло въ то время не столько отъ количества совершенныхъ ими ученыхъ трудовъ, сколько отъ самаго факта ихъ существованія. Своими собраніями, повременнымъ изданіемъ и печатавшимися въ немъ протоколами, разсужденіями по разнымъ вопросамъ языкознанія Вольное Россійское Собраніе пробуждало и поддерживало въ образованныхъ людяхъ того времени интересъ къ главному предмету своихъ заботъ и занятій, къ русскому литературному языку, и заставляло многихъ невольно быть болѣе внимательными и осторожными въ употребленіи литературной рѣчи. Доказательствомъ того интереса, какой возбуждала въ то время дѣятельность Вольнаго Россійскаго Собранія, служитъ

---

[1]) Учен. Зап. II отд. Императорской Академіи Наукъ, кн. IV.

[2]) Истор. Росс. Акад., вып. 1-й, стр. 334—335.

назначеніе, напримѣръ, премій за рѣшеніе наиболѣе насущныхъ вопросовъ языка. Такъ, въ 1777 году почетный членъ собранія, князь П. И. Репнинъ, назначилъ двѣ преміи, одну въ 100 руб. и другую— въ 50 руб. сер. за рѣшеніе слѣдующихъ задачъ:

1) Указать ближайшія и лучшія средства и правила къ усовершенствованію и обогащенію языка, въ особенности россійскаго.

2) Латинскіе *техническіе термины* по приложенному списку или совершенно удобнымъ для постояннаго употребленія способомъ перевести по-русски равнозначительными словами, или по крайней мѣрѣ достаточно объяснить. За исключеніемъ нѣкоторыхъ названій наукъ, всѣ эти слова, числомъ отъ 300 до 400, были заимствованы изъ логики и метафизики. Срокомъ представленія сочиненій назначено было 1-е марта 1778 года [1]).

Были ли представлены какія либо работы на эти преміи, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Но если даже эти темы остались и безъ всякаго отвѣта, значеніе самаго факта отъ этого не уменьшится. Получить готовый научный отвѣтъ на ту или другую теоретически придуманную тему не только тогда было трудно, но и въ настоящее время сколько научныхъ темъ, предлагаемыхъ на преміи разными учеными обществами и учрежденіями, остаются безъ отвѣта. Для того времени самая уже публичная постановка научныхъ вопросовъ имѣла большое значеніе, побуждая общество хоть просто „задумываться“ надъ ними. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣла тогда здѣшняя Академія Наукъ. Съ 1763 года въ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* она стала предлагать на разрѣшеніе разныя научныя задачи. Это возбудило толки, можетъ быть, даже не всегда одобрявшіе такую мѣру, но Академія на нихъ отвѣтила слѣдующее:

„*Какъ ни разсуждаетъ публика* о заданныхъ нами въ прошломъ году задачахъ, и коль мало ни нашлось отвѣтствовавшихъ на оные присланными къ намъ сочиненіями: *однако же мы увѣрены о пользѣ наукамъ и отечеству, отъ сихъ трудовъ нашихъ происходящей*; чего ради, уповая, что число любопытствующихъ и въ наукахъ упражняющихся согражданъ нашихъ современемъ умножиться можетъ, *а паче взирая на потомство, коему вопросы наши подадутъ поводъ къ дальнымъ разысканіямъ*, приняли намѣреніе и въ нынѣшнемъ году сообщить такія же задачи, какъ и прежде“ [2]). Съ другой стороны, можетъ

---

[1]) *Шевыревъ*, Исторія Московскаго университета, 203.

[2]) *Ежемѣсячныя Сочиненія*, 1764, январь, стр. 93—94.

быть, и не совсѣмъ справедливо будетъ думать, что предложенныя кн. Репнинымъ темы совсѣмъ остались безъ отвѣта. Черезъ девять лѣтъ, въ 1786 г. появилось въ Москвѣ сочиненіе, прямо отвѣчающее на первую тему, написанное учителемъ философіи и префектомъ Московской духовной академіи *Моисеемъ Гумилевскимъ*, впослѣдствіи епископомъ Ѳеодосійскимъ. Сочиненіе это озаглавлено: „*Разсужденіе о вычищеніи, удобреніи и обогащеніи Россійскаго языка*“, читанное въ Публичн. собр. Москов. 1786 году студентомъ Василіемъ Протопоповымъ. Москва. Въ типогр. кампаніи типографической. 1786. 8°“ [1]). Написано ли оно именно съ цѣлію представить его Вольному Россійскому собранію на премію, или оно только вызвано предложенною отъ собранія темой— неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, оно не могло быть представлено на премію, такъ какъ оно появилось уже послѣ закрытія Вольнаго Россійскаго собранія.

Небольшое по объему, оно очень интересно по вполнѣ научному, почти философскому своему характеру.

„Богъ далъ человѣку *разумъ*, говоритъ сочинитель, чтобы въ ту же минуту дать ему способность *слова*. Ибо что есть *разумъ безъ слова?* Есть одна возможность быть разумнымъ *безъ исполненія сея разумности*“. Оттого по-гречески, напримѣръ, λόγος значитъ и *слово* и *разумъ*.

„Итакъ, мы *безошибочно познаемъ изъ богатства слова богатство разума* и изъ богатства *разума* богатство *слова*. Кто изобиленъ въ словахъ, тотъ изобиленъ и въ мысляхъ, и кто изобиленъ въ мысляхъ, тотъ старается всенепремѣнно произвести въ отечественномъ языкѣ столько же и словъ, сколько въ его разумѣ мыслей“. Прилагая эти общія разсужденія къ состоянію тогдашняго русскаго литературнаго языка, авторъ объясняетъ, почему мы должны были принять въ свой языкъ такъ много иностранныхъ словъ. „Великій Петръ своими неусыпными о просвѣщеніи подданныхъ попеченіями довольно возродилъ въ своемъ народѣ новыхъ мыслей и понятій, *но не успѣлъ онъ столько же родить и выраженій, россійскому языку собственныхъ*; и потому книги тогдашняго времени, хотя исполнены высокими и просвѣщенными мыслями, но вмѣстѣ обезображены обветшалыми, грубыми и чужестранными словами, по недостатку чистыхъ россійскихъ“.

---

[1]) Вслѣдствіе того, что на заглавномъ листѣ поставлено имя Василія Протопопова, сочиненіе это и приписывается ему (Смирдинъ, стр. 500, № 6400). Но митрополитъ Евгеній въ „Словарѣ историч. о писател. духовнаго чина“ (стр. 80) авторомъ этого „Разсужденія“ называетъ Моисея Гумилевскаго.

При Екатеринѣ II наступилъ золотой вѣкъ для языка, потому что даны для этого способы: учреждены училища и университетъ, въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ „воскрешенъ“ греческій языкъ, учреждена Россійская Академія.

Первый шагъ къ очищенію, улучшенію и развитію языка составляетъ *грамматика*, которая бываетъ двухъ родовъ: *опредѣлительная*, то-есть, практическая, создающая правила языка, и *критическая*, которая одна только очищаетъ, удобряетъ и обогащаетъ языкъ, и потому ее то и надо призвать на помощь.

Начало русскаго языка кроется въ языкѣ церковно-славянскомъ или въ языкахъ другихъ славянскихъ народовъ. Поэтому необходимо *собрать всѣ слова обветшалыя, вышедшія изъ употребленія*, и найдти ихъ прямой смыслъ и начало, и по нимъ судить о словахъ нынѣшнихъ. Напримѣръ, слова: *совокупляю, скупаю, купецъ, скупой* происходятъ вѣроятно, отъ слова *купа*, то-есть, *куча*.

Если нельзя объяснить слово изъ языка церковно-славянскаго, тогда надо прибѣгнуть *къ другимъ славянскимъ языкамъ, а также къ областнымъ нарѣчіямъ*. Если и это не удастся, то искать корня слова *въ языкахъ иностранныхъ*, напримѣръ, въ татарскомъ (туманъ, кушакъ, базаръ, кафтанъ и т. п.), греческомъ (евхаристія, литургія, каѳедра). „*Всѣ таковыя чужестранныя слова должно стараться перемѣнять на россійскія* помощію совершеннаго понятія вещей, подъ тѣми словами разумѣемыхъ“... „Всѣ оныя повидимому трудныя для переводу на россійскій языкъ слова явятся удобными, ежели благоразумное и тщательное къ тому приложено будетъ попеченіе и частое вниманіе къ россійскому чистословію“.

Можно напримѣръ перевести:

Литургія—служба

λειτουργιάριον—служебникъ.

Каѳедра—проповѣдалище.

Флотъ—морская сила.

Генералъ—верховный начальникъ.

Капитанъ—главный.

Полиція—благочиніе, благоучрежденіе.

Ордеръ—приказъ, повелѣніе.

„Такія слова на первомъ случаѣ покажутся нѣсколько общими и вещь неограниченно означающими; но для сего потребно только пяти или десяти или уже много двадцати лѣтъ, чтобы пріучить къ нимъ слухъ и придавать ограниченный смыслъ. При томъ же много и нынѣ

имѣемъ словъ, по словопроизведенію общихъ, но значащихъ по нашей къ нимъ привычкѣ вещь нераздѣлимую, напримѣръ: ризы, соборъ, уставъ, храмъ, село и проч.“.

Но всего этого еще мало. Дальнѣйшее обогащеніе языка не можетъ совершаться простымъ введеніемъ въ него новыхъ словъ. „Сіе обогащеніе языка словами не можетъ быть безъ обогащенія и мыслями; ибо слово безъ мысли родиться не можетъ“. Но чтобы родились мысли, необходимо заняться логикой и метафизикой (то-есть, вообще философіей). Еще большее богатство „снискать можно отъ переводовъ хорошихъ писателей“. Нашъ языкъ остался бы бѣднымъ, если бы не обогатился переводами съ греческаго. „Кто бы отъ себя изобрѣсти могъ мысль и слово *собезначальный*, *матеродѣвственный*, *златоустый*, *воскресеніе*, *Троица* и проч... Не только вѣроятно, но заподлинно утвердить можно, что ежели бы хорошимъ переводчикамъ преложить всѣхъ греческихъ отцовъ на чистый языкъ россійскій, то бы онъ вдругъ нѣсколькими тысячами словъ обогатился“.

Обогатить нашъ языкъ посредствомъ переводовъ тѣмъ удобнѣе, что онъ „имѣетъ ту способность, чтобъ въ переводѣ приближаться къ свойству всякаго языка, не теряя притомъ собственнаго свойства“. Несмотря на это, отъ небрежности переводчиковъ въ переводахъ нашихъ встрѣчаются нелѣпыя и неправильныя слова и выраженія, напримѣръ:

„Армія, стоявши подъ городомъ десять дней, городъ сдался“.

„На такой ногѣ“ вмѣсто—въ такомъ состояніи. Для устраненія подобныхъ неправильностей и вообще для исправленія нашего языка потребны:

1) Ученыя собранія, „которыя бы о всякомъ сочиненіи и переводѣ полагали здравую критику, какъ въ разсужденіи слога, такъ и самыхъ словъ“.

2) Критическая грамматика.

3) Толковые словари.

Возвращаясь къ обозрѣнію плодовъ дѣятельности Вольнаго Россійскаго Собранія, мы должны сказать, что еще одною и весьма важною заслугой Вольнаго Россійскаго собранія было то, что, будучи органически связано съ Московскимъ университетомъ, оно съумѣло привлечь къ своимъ занятіямъ университетскую молодежь. Задумавъ издать *русскій словарь*, оно пригласило къ участію въ этомъ трудѣ и студентовъ университета, и хотя словарь этотъ не былъ доведенъ до конца, но по учрежденіи Россійской Академіи онъ вмѣстѣ со сло-

варемъ П. Алексѣева послужилъ уже готовымъ матеріаломъ для словаря нашей Академіи.

О безкорыстномъ усердіи московскихъ студентовъ на пользу отечественнаго слова мы узнаемъ изъ писемъ основателя Вольнаго Россійскаго Собранія, куратора Московскаго университета Ив. Ив. Мелиссино.

Хлопоча передъ Россійскою Академіей о награжденіи студентовъ за ихъ труды, которые они продолжали и для Академіи, Мелиссино писалъ ей:

„По справедливости они (то-есть, студенты) за отмѣнную свою прилежность къ сей работѣ достойны вниманія Академіи, тѣмъ болѣе, что, сами будучи заняты лекціями и пріуготовленіями къ онымъ, не пропускаютъ ни часа лишняго, чтобъ не пожертвовать онымъ пользѣ Академіи".

„Какъ студенты, трудящіеся къ пополненію словаря, писалъ онъ въ другомъ письмѣ, единственно дѣлаютъ сіе изъ чести быть участниками столь полезнаго дѣла, не желая за то никакого интереса, то я думаю и награжденіе имъ надобно сдѣлать такое, которое бы соотвѣтствовало благородному ихъ побужденію".

Поэтому онъ ходатайствовалъ дать имъ какое нибудь академическое званіе: сотрудниковъ, корреспондентовъ и т. п. [1]).

Полезная дѣятельность Вольнаго Россійскаго Собранія продолжалась, къ сожалѣнію, недолго—всего 12 лѣтъ (1771—1783). Основанное въ 1771 году, оно прекратило свое существованіе въ 1783 году, по учрежденіи Россійской Академіи, въ которую и вступили многіе члены этого общества: кн. Е. Р. Дашкова, Херасковъ, Фонъ-Визинъ, Державинъ, Княжнинъ, Барсовъ, Десницкій и многіе другіе, и даже самъ основатель Вольнаго Россійскаго Собранія Ив. Ив. Мелиссино.

Исторія Россійской Академіи тѣсно связана съ исторіей другаго важнаго событія—съ изданіемъ „*Собесѣдника Любителей Россійскаго слова*". Это былъ первый журналъ, задавшійся цѣлью служить на пользу родной рѣчи, и современники встрѣтили этотъ журналъ, какъ залогъ процвѣтанія нашего языка.

О возникновеніи этого журнала въ послѣдней XVI его части разказывается слѣдующее:

„Жившій въ Петербургѣ по дѣламъ своимъ нѣкоторый татарскій

---

[1]) Истор. Росс. Акад., т. I.

мурза, знающій весьма хорошо россійскій языкъ, сочинилъ въ исходѣ 1782 года оду къ премудрой киргизкайсацкой царевнѣ Фелицѣ. Сіе сочиненіе, какъ всѣмъ извѣстно, писано совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде такого рода стихотворенія писывались. Мурза прочелъ сію оду другу своему, нѣкоторому молодому россіянину, который также, какъ и онъ, наполненъ благоговѣніемъ къ сему примѣру земныхъ царей, а, сверхъ того, и благодарностію за изліянныя Фелицею на воспитаніе его щедроты, которыми онъ, будучи хотя россіяниномъ, но служа при ея дворѣ съ осьми лѣтъ своего возраста, пріобрѣлъ нѣкоторыя человѣку нужныя знанія, ибо Фелица посылала его учиться за тридевять земель въ десятое царство. Истина, изображенная въ семъ прекрасномъ произведеніи татарскаго пера, восхитила его до слезъ, и онъ, будучи знакомъ со многими покровителями и любителями наукъ, взялъ сію оду къ себѣ и нѣкоторымъ изъ оныхъ далъ съ нея копіи; но она довольно долгое время пребывала въ карманахъ тѣхъ господъ, и не доходила до ушей Фелицы за неимѣніемъ, можетъ быть, курьера, который бы могъ ее доставить въ назначенное мѣсто. Въ началѣ 1783 года помянутый россіянинъ опредѣлился въ какую-то должность при россійскомъ Парнасѣ. Сіе подало ему случай показать сіе сочиненіе начальницѣ Парнаса, которая красоты и истины, находящіяся въ сей одѣ почувствовавъ, рѣшилася приказать ее напечатать; а дабы чрезъ то подать случай и другимъ сочинителямъ изощрять свои дарованія, вздумала она издавать книгу, подъ заглавіемъ: Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова. Для исполненія предпріятія своего пригласила она Мурзу, помянутаго Россіянина и нѣкоторыхъ другихъ сочинителей“ [1]),

Хотя въ „Предувѣдомленіи“, напечатанномъ въ I части *Собесѣдника*, и сказано, что онъ „издается по желанію нынѣшняго Академіи Наукъ директора ея сіятельства княгини Екатерины Романовны Дашковой“, но въ сущности журналъ издавался цѣлымъ обществомъ лучшихъ тогдашнихъ писателей, что̀ обозначено даже и въ заглавіи: „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго слова, содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ *нѣкоторыхъ* россійскихъ писателей“. Кромѣ самой кн. Е. Р. Дашковой, въ журналѣ принимали участіе: императрица Екатерина II, О. П. Козодавлевъ, Богдановичъ, Державинъ, Княжнинъ, Капнистъ, Е. Костровъ, Фонъ Визинъ, Херасковъ и нѣкоторые другіе. Что журналъ издавался не однимъ лицомъ,

[1]) *Современникъ Любителей Россійскаго слова*, ч. XVI, 1784, стр. 3—13.

было ясно для всѣхъ, и присылавшіяся для журнала статьи случайныхъ сотрудниковъ постоянно начинались обращеніемъ: „*Господа* издатели Собесѣдника“ или просто: „Господа Собесѣдники“. Издавался этотъ журналъ только два года: 1783—1784, и прекратился внезапно, не окончивъ даже начатыхъ статей; причиною прекращенія журнала былъ разладъ въ средѣ редакціи, о чемъ подробно разказано Я. К. Гротомъ въ біографіи Державина. Журналъ этотъ несомнѣнно былъ очень крупнымъ явленіемъ того времени. „Можно сказать, что въ продолженіе двухъ лѣтъ своего изданія онъ совмѣщалъ въ себѣ почти всю литературную дѣятельность русскихъ писателей того времени. Жизнь общества тогдашняго отражалась въ немъ болѣе, нежели въ какомъ либо изъ другихъ изданій“ [1]).

Главнымъ и самымъ существеннымъ достоинствомъ „Собесѣдника“ было просвѣщенное чувство народнаго самоуваженія, чуждое, съ одной стороны, рабскаго преклоненія передъ всѣмъ иноземнымъ, только потому, что оно „иноземное“; съ другой—всякаго безъосновательнаго самовосхваленія и преклоненія передъ всѣмъ русскимъ только потому, что оно „русское“. Общій тонъ журнала—благородное сознаніе своего народнаго достоинства и увѣренность въ силахъ и нравственныхъ качествахъ русскаго народа. Въ „Предувѣдомленіи“ сказано было, что „сіе собраніе издаваться будетъ по частямъ, заключая въ себѣ только одни *подлинныя* Россійскія сочиненія... *а переводы, какого бы они рода ни были, помѣщены здѣсь не будутъ*“.

Чтобы оцѣнить такое *смѣлое* намѣреніе, надо вспомнить, что не задолго передъ тѣмъ почти вся наша печатная литература, какъ ученая, такъ и беллетристическая, состояла изъ переводовъ; что при Академіи Наукъ существовалъ даже особый „переводческій департаментъ“.

Почти вся дѣятельность Академіи Наукъ въ первые годы ея существованія состояла въ переводахъ, для чего при ней постоянно находились переводчики, на обязанности которыхъ и лежалъ весь трудъ передачи на русскомъ языкѣ иностранныхъ сочиненій. Да и это было въ то время дѣломъ труднымъ, доставлявшимъ Академіи много хлопотъ.

Въ 1728 году при Академіи издано было краткое описаніе комментаріевъ ея, и въ немъ мы находимъ такое обращеніе къ читателю:

---

[1]) *Добролюбовъ*, Собесѣдникъ Любителей Россійскаго слова, *Современникъ*, 1586, № 7, стр. 37 и слѣд.

„Не сѣтуй же на переводъ, яко бы оный былъ не вразумителенъ или не весьма красенъ; вѣдати бо подобаетъ, что *весьма трудная есть вещь добрѣ преводити*, ибо не точію оба оные языки съ котораго и на который переводится, совершенно знать надлежитъ, но и самыя переводимыя вещи ясное имѣти разумѣніе. Здѣ-же по послѣдней мѣрѣ на сіе смотрѣли, дабы оный яко вразумителенъ, тако и благопріятенъ былъ, ибо съ такимъ прилежаніемъ и опасностію въ семъ дѣлѣ поступали, и всякому переводчику такія диссертаціи преводить давали, о немъ же извѣстно знали, что онъ вещь оную наилучше разумѣетъ, къ тому же и самый переводъ въ присутствіи всѣхъ преводниковъ читанъ и свидѣтельствованъ былъ. Аще ли же предпріятыя опасности не благопоспѣшно учинилися, то сіе токмо прибѣжище осталося, да тебе умолимъ, дабы слабости нашей до того потерпѣти изволилъ, *донѣле же языкъ самъ исправнѣе будетъ*, и преводницы лучше обучатся“ [1]).

Но какъ долго приходилось „терпѣть“ тогдашнимъ читателямъ и какъ медленно „обучались“ наши переводчики, показываетъ фактъ, что въ 1745 году, то-есть, спустя семнадцать лѣтъ, Академія жаловалась, что „по отбытіи профессора Тредіаковскаго“ трудно найдти хорошаго переводчика, „чему причиною то, что оные люди (то-есть, другіе переводчики) въ иностранныхъ языкахъ и наукахъ не довольно искусны, ... и отчасти отъ того, что они сами въ русскомъ языкѣ силы столько не имѣютъ, чтобы мысли свои съ надлежащею красотою выразить“ [2]).

Какого труда стоило тогда простое составленіе газетныхъ извѣстій, показываетъ *инструкція вѣдомостной экспедиціи* (то-есть, экспедиціи, завѣдывавшей изданіемъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*) 1748 года:

„Г. надворному совѣтнику и профессору Штелину вѣдомости изъ иностранныхъ нѣмецкихъ и французскихъ письменныхъ и печатныхъ извѣстій, по понедѣльникамъ и четвергамъ въ вѣдомостной экспедиціи писать, и Лебедеву, Фрейгангу, Барсову и студенту Теплову оныя попрежнему переводить, а профессору г. Ломоносову оные ихъ переводы править и послѣднюю оныхъ ревизію отправлять“ [3]).

Несмотря на всѣ эти трудности, даже передовые люди того вре-

---

[1]) *Пекарскій*, Исторія Академіи Наукъ, т. I.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

мени сознавали, что безъ переводовъ намъ обойдтись нельзя, и утѣшали читателей только тѣмъ, что таковъ естественный и неизбѣжный путь образованія для всѣхъ народовъ. Извѣстный воспитатель цесаревича Павла Петровича, С. Порошинъ, въ статьѣ своей „Письмо о порядкахъ въ обученіи наукъ“, писалъ:

„Когда жъ и о нынѣшнихъ временахъ помыслимъ, то не счастливы ль англичане, нѣмцы, французы? Сіи, усмотрѣвъ сперва неоцѣненную наукъ пользу, избрали ихъ себѣ упражненіемъ, и особливо вѣдая, что въ греческихъ и латинскихъ книгахъ оныя обитаютъ, *ударились въ переводы и заметали ими, такъ сказать, публику. Колъ великое благодареніе должны имъ воздавать потомки за такое разумное и съ дальновиднымъ намѣреніемъ оказанное благодѣяніе?* Отворенъ сталъ и имъ прямой путь, какъ онымъ древнимъ, къ художеству и наукамъ. Пустились въ оной съ похвальною смѣлостію и желаемаго предпріятія, наполнивъ громомъ славы вселенную, достигли“.

Основываясь на этомъ примѣрѣ западно-европейскихъ народовъ, Порошинъ и у насъ ожидалъ тѣхъ же послѣдствій отъ переводовъ.

„Для чего не быть у насъ Картезіямъ, говоритъ онъ въ той же статьѣ, для чего не быть Локамъ, для чего не быть Невтонамъ? Россійскія ли острыя головы къ тому неспособны? Путь ли намъ къ достиженію сего неизвѣстенъ? Воспаленные усердными таковыми желаніями тщатся сбытію оныхъ поспѣшествовать и самымъ дѣломъ. Увидимъ и мы Темпейскія Россійскихъ музъ долины произращеніями, плодомъ обремененными, покрыты! Возвеселимся пріятнымъ ихъ обоняніемъ и наслажденіемъ! Къ сему требуется только время и наше терпѣніе“ [1]).

Очевидно, во времена „Собесѣдника“ роль переводовъ уже кончалась, и русскіе люди почувствовали возможность самобытной и самостоятельной дѣятельности на словесномъ поприщѣ.

Этотъ же духъ самостоятельности и самоуваженія обнаружился и въ области исторіи. Еще въ 1757 году напечатано было въ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* „Предложеніе, какъ исправить погрѣшности, находящіяся въ иностранныхъ писателяхъ, писавшихъ о Россійскомъ государствѣ“, въ которомъ впервые высказано было возраженіе противъ всякой лжи и клеветы, распространявшихся иностранцами о нашемъ отечествѣ.

„Всякой, читая со вниманіемъ печатныя въ чужестранныхъ зе-

---

[1]) *Ежемѣсячныя Сочиненія*, 1757, февраль, стр. 139—140.

мляхъ о Россійской имперіи книги, сказано въ этой статьѣ, и самъ имѣя нѣкоторое знаніе въ Россійской исторіи и географіи, не можетъ спорить, что оныя книги наполнены премногими погрѣшностями; что очень много въ нихъ недостаетъ того, что потребно къ обстоятельному знанію о Россіи, и что повторяются въ нихъ разныя извѣстія, писанныя лѣтъ тому назадъ за сто и за двѣсти, къ безславію Россійскаго народа, равномѣрно какъ бы оныя времена еще не миновались, въ коихъ предки наши болѣе къ войнѣ, нежели къ наукамъ склонны будучи, имѣвши съ иностранными народами весьма малое сообщеніе, конечно, отъ насъ, ихъ потомковъ, нравами и обхожденіемъ (въ чемъ признаться намъ не стыдно) нѣсколько были отличны. Но за что насъ попрекать всегда тѣми же пороками, когда оные при возсіявшемъ наукъ свѣтѣ, обстоятельнымъ познаніемъ должностей, коими мы Богу, ближнему и самимъ себѣ обязаны, коротко сказать, изученіемъ нравоучительной науки, и разумнымъ подражаніемъ всему тому, что у другихъ благонравныхъ народовъ похвалы достойное примѣчается, хотя не у всѣхъ, однако у лучшей части Россійскаго народа благополучно прекратились".

Далѣе совершенно вѣрно указываются и причины невѣрныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ иностранцами о нашемъ отечествѣ.

„Причину сему увидѣть не трудно. Никто еще изъ насъ на свѣтъ не издавалъ исторіи о Россійскомъ народѣ и о состояніи сего государства на какомъ нибудь языкѣ иностранномъ. Все, что иностранные о Россіи знаютъ, то предано имъ отъ иностранныхъ же. А большая часть изъ нихъ не знали сами довольно о томъ, что писали. Никто не могъ имѣть довольныхъ способовъ къ полученію нужныхъ къ своему намѣренію извѣстій. Почти всѣ слѣдовали старымъ предувѣреніямъ, а нѣкоторые, повидимому, и хотѣли Россіи отмстить за то, что, будучи въ ея предѣлахъ, не сыскали себѣ счастія по ихъ желанію. Однако такія сочиненія приняты за самыя справедливыя, паче тогда, когда сочинители въ Россіи нѣсколько лѣтъ обрѣтались, другіе въ чинахъ состояли, или находились въ такихъ обстоятельствахъ, что посчастливилось имъ получить болѣе извѣстій, нежели другимъ, или и ѣздили внутрь государства, чѣмъ достали себѣ похвалу, что будто извѣстія, ими записанныя, обстоятельнѣе и достовѣрнѣе всѣхъ прочихъ. Такимъ образомъ одинъ у другаго выписываетъ погрѣшности, не зная, что то погрѣшности, потому наипаче, что онымъ съ Россійской стороны публичнаго въ книгахъ прекословія и исправленія не бывало.

„Правда, что великодушное презираніе неосновательныхъ попреканій больше похвалы, нежели порицанія достойно. Неправда оказывается по большей части сама собою, и немногіе писатели умѣютъ искусно закрывать свои пристрастія, чтобъ благоразумные читатели не могли разсудить по онымъ о ихъ нравахъ. Однакожъ кажется, что также потребно, *какъ для чести Россійскаго народа*, такъ и для удовольствованія иностранныхъ, Россійскую исторію и географію отъ погрѣшностей, которыми искажена она у иностранныхъ писателей, очистить, и находящіеся у нихъ недостатки исправить. *Самое наше Россійское юношество чувствуетъ отъ того немалой вредъ.* Нѣтъ у нихъ печатныхъ на Россійскомъ языкѣ книгъ, изъ которыхъ бы могли получить основательное знаніе своего отечества и достаточное объ исторіи онаго увѣдомленіе. Вмѣсто сего тщатся они удовольствовать свое любопытство описаніями иностранныхъ авторовъ, изъ коихъ собираютъ токмо несправедливыя, и всегда несовершенныя извѣстія, которыя исправлены быть инако не могутъ, какъ долговременнымъ искусствомъ, многотруднымъ чтеніемъ рукописныхъ исторій и всеподданѣйшимъ во внутреннія Россійскія страны путешествіемъ.... Но когда есть нужда всей Европѣ въ исправныхъ и достаточныхъ описаніяхъ о исторіи и географіи Россійской; *когда честь Россійскія Имперіи того требуетъ, чтобъ находящіяся въ иностранныхъ книгахъ неправедныя и предосудительныя извѣстія поправлены были*; когда необходимо нужно Россійскому юношеству имѣть исправныя книги къ изученію по онымъ исторіи и географіи ихъ отечества: *то надлежитъ приступить къ самому дѣлу и потщиться съ прилежаніемъ наградить находящійся въ семъ понынѣ недостатокъ*“ [1]).

Эти справедливыя разсужденія академическаго журнала, безъ сомнѣнія, были извѣстны Императрицѣ Екатеринѣ II и не остались безъ вліянія на ея собственные взгляды и сужденія о нашемъ историческомъ прошломъ. Это совершенно ясно обнаруживается въ ея извѣстныхъ „Запискахъ касательно Россійской исторіи“, помѣщенныхъ въ *Собесѣдникѣ*.

Она даже прямо говоритъ въ предисловіи къ „Запискамъ“, что при составленіи ихъ именно имѣла въ виду предохранить россійское юношество отъ превратныхъ мнѣній и взглядовъ, распространяемыхъ иноземцами о Россіи.

„Сіи записки касательно Россійской Исторіи, говоритъ она, сочи-

---

[1]) *Ежемѣсячныя Сочиненія*, 1757, мартъ, стр. 224—227.

нены для юношества въ такое время, когда выходятъ на чужестранныхъ языкахъ книги подъ именемъ Исторіи Россійской, *кои скорѣе именовать можно сотвореніями пристрастными;* ибо каждый листъ свидѣтельствомъ служитъ, съ какою ненавистью писанъ, каждое обстоятельство въ превратномъ видѣ не токмо представлено, но къ онымъ не стыдилися прибавить злобные толки. Писатели тѣ хотя сказываются, что имѣли Россійскихъ лѣтописцовъ и историковъ предъ глазами, но или оныхъ не читали, или языкъ русской худо знали, или же перо ихъ слѣпою страстію водимо было. Безпристрастный читатель да возьметъ трудъ сравнить эпоху Россійской Исторіи со исторіями современниковъ великихъ князей Россійскихъ каждаго вѣка, усмотритъ ясно умоначертанія всякаго вѣка, и что родъ человѣческій вездѣ и по вселенной единакія имѣлъ страсти, желанія, намѣренія и къ достиженію употреблялъ не рѣдко единакіе способы. Всѣ Европейскіе народы до святаго крещенія, бывъ погружены въ суевѣріе, въ идолопоклонство, имѣли правила и права иныя; получивъ просвѣщеніе Евангельское, получили правила, дотого имъ неизвѣстныя, кои не инако могли перемѣнить обычай, мнѣніе и мысли людей, стариной занятые, какъ мало-по-малу“ [1]).

Какъ бы сознавая, что и ея „Записки касательно Русской исторіи“ могутъ быть заподозрѣны читателями въ пристрастномъ искаженіи фактовъ, такъ какъ она и сама была иностранка, она въ выноскѣ къ своему предисловію съ законною гордостію говоритъ о себѣ:

„Собиратель сихъ записокъ касательно Россійской исторіи *не въ числѣ змѣй вскормленныхъ за пазухой, онъ вѣкъ свой чтился выполнить долгъ благодарнаго сердца.* Онъ думаетъ, что похвальное не останется безъ хвалы; непохвальное безъ опороченія, добраго же умалять доброту, или порочнаго умножать дурноту, и тѣмъ подобиться неискусному врачу, либо невѣжествомъ наполненному дѣтскому учителю, не есть дѣло его“.

Ясно, такимъ образомъ, что Императрица поставила себѣ въ своемъ историческомъ трудѣ благородную и достойную полнаго сочувствія задачу: историческимъ обозрѣніемъ прошлой судьбы русскаго народа и сравненіемъ ея съ историческимъ прошлымъ другихъ народовъ, съ одной стороны—поколебать неблагопріятное для насъ мнѣніе о насъ иностранцевъ, а съ другой — ободрить духъ русскаго общества, поддержать въ немъ чувство самоуваженія, потрясенное продолжительнымъ умственнымъ и нравственнымъ приниженіемъ нашимъ

[1]) *Собесѣдникъ*, ч. I, стр. 104—105.

передъ иностранцами. Какъ она исполнила эту нелегкую въ то время задачу, я говорить не буду: интересующіеся этимъ найдутъ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ статьѣ Добролюбова о „Собесѣдникѣ Любителей Русскаго Слова“, помѣщенной въ *Современникѣ*, 1856, № 7 и 8 (также въ соч. Добролюбова, т. I). Конечно, въ то время нельзя было достигнуть такой цѣли безъ натяжекъ, на что̀ и было указано тогдашней же историческою критикой. Но императрица, признавая справедливость многихъ замѣчаній на ея историческій трудъ, все-таки, въ концѣ концовъ, выразилась: „что написано, то написано: *по крайней мѣрѣ ни нація, ни государство въ оныхъ* (*то-есть, въ „Запискахъ“*) *не унижено*“. А это и было въ то время главное, ибо для научно-безпристрастнаго историческаго изложенія тогда не наступило еще время.

Это смѣлое, лишенное всякаго колебанія, чувство народнаго самоуваженія, эта благородная вѣра въ себя и въ свои силы составляютъ главное достоинство *Собесѣдника* и главную его заслугу передъ русскимъ обществомъ. Имѣя въ виду только пользу общества, издатели не боялись критики и смѣло призывали ее на страницы своего журнала. Въ первой же части *Собесѣдника* (стр. 160—161) помѣщено обращеніе къ публикѣ „*отъ издателей*“, въ которомъ выражена такая просьба:

„Издатели сего *Собесѣдника* просятъ всѣхъ любителей Россійскаго слова и всю публику, *ежели кто захочетъ написать критику* на какое либо сочиненіе, находящееся въ семъ собраніи, *не искать другихъ типографій къ напечатанію таковыхъ критикъ или сатиръ, но присылать оныя прямо къ издателямъ сего Собесѣдника* или на имя ея сіятельства княгини Екатерины Романовны Дашковой, которая, конечно, прикажетъ оныя *безъ наималѣйшей перемѣны* напечатать въ семъ же *Собесѣдникѣ*: *ибо желаніе ея есть, чтобъ Россійское слово вычищалось, процвѣтало* и сколь возможно служило къ удовольствію и пользѣ всей публики, *а критика, безъ сомнѣнія, есть одно изъ наилучшихъ средствъ къ достиженію сей цѣли*“.

И редакція *Собесѣдника* твердо держалась этого обѣщанія и охотно помѣщала на страницахъ своего журнала иногда довольно рѣзкія сужденія о появлявшихся въ журналѣ статьяхъ. Такъ, напримѣръ, по поводу напечатаннаго въ VII ч. *Себесѣдника* „Письма къ сочинителю Былей и Небылицъ, съ пріобщеніемъ предисловія къ исторіи Государя Императора Петра Великаго“, въ слѣдующей VIII части появилось „Прошеніе къ господамъ издателямъ *Собесѣдника*, въ которомъ рѣзко осуждается не русскій языкъ „Письма“.

„Прочитавъ помянутое письмо къ сочинителю Былей и Небылицъ, говоритъ авторъ возраженія, я прежде всего (по самой модной склонности нынѣшнихъ читателей) началъ отгадывать сочинителя. Прежподумалъ я, что сей сочинитель Французъ. — Никакой Французъ не смѣетъ прикрывать вѣнчанную главу Квакерскою шляпою.—Конечно, Англичанинъ? — Англичане предлагаютъ мысли свои ясно и пишутъ, не запутываясь въ нескладныхъ шуткахъ. — Ну, такъ нѣмецъ? — Въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ больше *густомыслія* и полномыслія. *Русскому-же писателю не возможно сочинить такого сочиненія, въ которомъ едва есть ли единая строка, написанная русскимъ слогомъ.* И такъ покорно прошу отгадать, кто онъ таковъ?... Скучно бы вамъ было, господа издатели, а болѣе еще читателямъ вашимъ, ежели бы я... написалъ здѣсь всѣ ошибки господина сочинителя;... онѣ столько каждому читателю примѣтны, что и нужды нѣтъ ихъ выписывать: *въ щету, таки*, частыя *про*, винительные падежи послѣ *не*, вмѣсто родительныхъ, и прочія ошибки попадаются на каждой строкѣ“.

Вопросы языка вообще занимаютъ видное мѣсто въ журналѣ княгини Дашковой.

Такъ, въ 1-й части помѣщена статья „О правописаніи слова драма“, въ которой доказывается, что надо писать *драма*, а не *драмма*. Въ VII-й части Старый служивой, въ письмѣ изъ Карасбазара, выражалъ сожалѣніе, что „къ руководству такой сложной и многочленной, какъ армія, махины, *нѣтъ точнаго и сильнаго на Русскомъ языкѣ слова, весь смыслъ онаго выражающаго*, и на которомъ вся живая и движущаяся войскъ громада, какъ на стержнѣ обращается, и извѣстными пружинами движется, *а именно слово дисциплина*“.

По мнѣнію автора, военная дисциплина получила особенное развитіе у древнихъ грековъ и римлянъ, которые „названіе оной на природномъ своемъ языкѣ изображали, чего мы, къ несчастію, въ войскѣ нашемъ, такъ достойно прославляющемся, еще не имѣемъ; а потому и принуждены употреблять иностранное слово, которое хотя чрезъ частое онаго во многихъ случаяхъ повтореніе кажется будто и обрусѣло, но не всякому такъ выразительно сила и смыслъ его внятны, какъ бы для пользы службы надлежало“. Опредѣливъ далѣе, что такое военная дисциплина, авторъ письма заканчиваетъ его такими словами: „И такъ, объявя мое о дисциплинѣ разумѣніе, уповаю я, что вы о важности и пользѣ оной не усумнитесь, а потому и прошу васъ, милостивые государи, какъ любителей Россійскаго слова, и о распространеніи онаго столь славно пекущихся, опредѣлить точное на слово

дисциплина Россійское названіе, дабы дисциплина въ войскахъ Ея Императорскаго Величества не всегда въ одномъ литеральномъ только смыслѣ принята была; но водворилась бы оная въ сердцахъ военныхъ людей во всемъ свойствъ ея пространствѣ, душу военную составляющихъ,.... ибо я увѣреннымъ остаюсь, что опредѣленіе дисциплинѣ Россійскаго слова съ объятіемъ всего обширнаго важнаго сей части смысла, подастъ военнымъ людямъ лучшее и вѣрнѣйшее о дисциплинѣ понятіе; слѣдовательно и къ наблюденію оной возбудитъ отличное въ нихъ стремленіе" (стр. 8—15).

Въ XVI-й части (стр 81—87) напечатано, безъ подписи имени автора, „Мнѣніе о раздѣленіи Россійскихъ согласныхъ буквъ, въ разсужденіи произношенія предъ ними З и С и о правописаніи по сему раздѣленію".

Вызвана эта замѣтка тѣмъ, что, по словамъ автора, „многіе изъ новыхъ писателей пишутъ слова по самопроизвольному производству:.... иной пишетъ *сданіе* отъ *созидаю;* другой пишетъ *зданіе* отъ *зижду*, а *прозьба* и не знаетъ, какъ писать, потому что глаголъ *прошу* въ неопредѣленномъ времени *просить*, а не *прозить*. Нѣкоторые говорятъ, что глаголъ *здвинуть*, когда онъ значитъ *здвинуть съ мѣста*, должно писать *здвинуть;* а *здвинуть вмѣстѣ* писать подлежитъ *сдвинуть*, забывая, что сей глаголъ происходитъ отъ *содвинуть*, и въ первомъ смыслѣ выпускается только *съ мѣста*, а въ другомъ *вмѣстѣ;* ибо можно сказать *содвинуть съ мѣста* и *содвинуть вмѣстѣ*".

И хотя авторъ замѣтки не даетъ правильнаго рѣшенія поставленнаго имъ вопроса (почему я и не вижу необходимости останавливаться на его мнѣніи), но его статья интересна, какъ доказательство, какіе грамматическіе вопросы возбуждала тогдашняя, еще не установившаяся, орѳографія.—Съ этой орѳографической точки зрѣнія можно сказать, что тогдашніе писатели почти всѣ были безграмотны. Въ Крыловскомъ *Зрителѣ* (1792) мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу такое, напримѣръ, правописаніе: *мѣжевать, мѣжевщики, сѣмья, счадить* вмѣсто щадить, *нетерпеливостъ, красноречіе, речь, общитаютъ, всѣй, облѣкается, къ статъ, ради* вмѣсто рады, *мѣлочь, притеснитъ, ропщатъ, шѣю* вмѣсто шею, *мошеньникамъ, петерки* вмѣсто пятерки, я вошелъ въ *алѣю, нынѣшнѣе* вмѣсто нынѣшнее, *роскошъ, забвѣнно, дараванія, знамянуетъ, малинькій, мѣнее*, на всемъ *лице, въ душе, ханьжа, посвѣщаетъ*, вмѣсто посвящаетъ, *двенадцатую, ремѣсло, перъвой, они* вмѣсто онѣ, *клѣиться, въ ее* вмѣсто въ ея, *хорошево,*

мьчтательнымъ, королевствы, изполню, ево, тово, непременныя, порожнего, пьчаталъ, обезпьчить, кольсо, вьщь, мудреней, и т. д.'

Въ *Собесѣдникѣ* же помѣщенъ и „*Опытъ Россійскаго сословника*“ Фонъ Визина (см. части 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю)—первый опытъ словаря синонимовъ.

Наконецъ, въ VII-й части *Собесѣдника* помѣщено интересное „*Начертаніе о Россійскихъ сочиненіяхъ и Россійскомъ языкѣ*“ нѣкоего Любослова.

Въ статьѣ этой послѣ общихъ разсужденій о качествахъ хорошаго литературнаго слога, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію свойствъ русскаго языка и по этому поводу говоритъ:

„Что-жъ касается до преимуществъ Россійскаго языка, то не обинуясь утвердиться можно, что онъ изобиліемъ, красотою и важностію превосходитъ всѣ новѣйшіе языки. Входя въ подробное о семъ изслѣдованіе, всякъ усмотрѣть можетъ ясно, что нѣкоторые неосновательно жалуются на скудость Россійскаго языка. Никакого знанія не должно разсуждать и мѣрить по своимъ силамъ; но надлежитъ сперва о немъ быть совершенну и послѣ о томъ смѣло разговаривать и полагать его предѣлы. Ежели, напримѣръ, Россіянинъ, выѣхавшій изъ своего отечества въ малолѣтствѣ, едва букварь читать умѣя и въ чужихъ краяхъ прожившій до совершеннаго возраста, наполнился чрезъ обхожденіе и чрезъ чтеніе книгъ знаніемъ и любленіемъ иностранныхъ языковъ; ежели онъ о Россійскомъ словѣ по своему въ немъ искусству разсуждать будетъ, то едва подумаетъ о немъ лучше, нежели о нѣкоторыхъ скудныхъ языкахъ кочующихъ и непросвѣщенныхъ народовъ, не имѣющихъ словъ къ изображенію правды, совѣсти и всѣхъ дѣйствій, чуждыхъ употребленія ихъ.

„Таковыхъ Россійскихъ путешественниковъ описать я лучше не умѣю, какъ только сравнить съ такимъ Нѣмцомъ, который, бывъ долгое время въ Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ пасторомъ, середи Россіи, и чрезъ половину своего вѣка столько по Россійски говорить научился, что могъ имъ за нужду и хлѣба выпросить, и возвратясь въ свое отечество вздумалъ разсуждать о языкѣ, нравахъ, обычахъ и склонностяхъ Россійскаго народа съ пристрастіемъ и ядовитымъ охужденіемъ. Сіе возбуждаетъ смѣхъ и несносную досаду въ томъ, кто довольно устремлялъ силу раченія къ испытанію такихъ вещей. Однако то еще несноснѣе кажется, когда не иностранные, но свои Россійской языкъ предъ другими унижаютъ, и вмѣсто того, чтобы прилѣжаніемъ своимъ выбравъ изъ книгъ и разговоровъ, что есть сильно, пріятно и

великолѣпно, сокровищемъ онаго обогатиться, и тѣмъ обогащать сочиненія свои, отнимаютъ неосновательными разсужденіями своими и у другихъ къ тому охоту. Что невѣжды въ семъ погрѣшаютъ, и что Россійской языкъ не токмо не единому Европейскому достоинствами не уступаетъ, но и многіе превосходитъ, подобляясь и равняясь съ древними изящными Греческимъ и Латинскимъ, въ томъ можно имъ засвидѣтельствовать ясными доводами и многими примѣрами".

Далѣе авторъ старается доказать, съ одной стороны, богатство русскаго языка, унаслѣдованнное имъ отъ языковъ славянскаго и греческаго, съ другой—его древность. „Что надлежитъ до его древности, говоритъ авторъ, то превосходитъ онъ тою всѣ нынѣшніе Европейскіе языки; сверхъ того, по многимъ признакамъ равенъ временемъ Латинскому, ежели еще и не старѣе".

Чтобы оправдать такое мнѣніе о древности русскаго языка, авторъ выставляетъ слѣдующія положенія, на основаніи которыхъ можно, по его мнѣнію, рѣшить вопросъ, который изъ двухъ сходныхъ языковъ древнѣе:

„1) Ежели оба не малое число оныхъ (то-есть, однихъ) и тѣхъ же коренныхъ словъ имѣютъ; сіе показываетъ, что они оба произошли изъ одного источника; но долготою времени и многими народовъ перемѣнами различились: слѣдовательно оба почти одной древности.

„2) Ежели сходствующія коренныя слова въ одномъ языкѣ имѣютъ нѣкоторое знаменованіе, съ натурою вещей знаменуемыхъ сходное, чего въ другомъ не находится; и ежели притомъ отъ перваго есть больше сложенныхъ и производныхъ: по сему будутъ онѣ въ первомъ прямо коренныя, а въ другомъ ближе къ производнымъ.

„3) Ежели въ одномъ языкѣ слова, почитаемыя за коренныя, имѣютъ по окончаніямъ и по многимъ слогамъ подобіе производныхъ, и корень въ другомъ сыщется; то весьма вѣроятно, что оныя отъ сего происходятъ.

„4) Когда въ одномъ языкѣ за коренное почитаемое слово можно раздѣлить на два, которыя суть въ другомъ языкѣ, и сложеніе ихъ будетъ съ натурою вещи сходно; то нельзя сомнѣваться, что сіи суть простыя, а оныя сложенныя реченія".

Основываясь на этихъ положеніяхъ, авторъ сопоставляетъ русскія слова съ латинскими и приводитъ 106 сходныхъ по корнямъ словъ, каковы, напримѣръ:

Acer — остръ.
Agnus — агнецъ.

Aro —орю.
Avena —овесъ.
Collis —холмъ.
Collumbus —голубь.
Flamma —пламя.
Frater —братъ.
Frutex —прутъ.
Hortus —огородъ.
Ignis —огонь.
Laevus —лѣвый.
Mater —мать.
Mens —мысль.
Molo —мелю.
Mors —смерть.
Mus —мышь.
Nasus —носъ.
Ovis —овца.
Plenus —полонъ.
Sal —соль.
Scamnum —скамья.
Semen —сѣмя.
Vesper —вечеръ.
Video —вижу.
Unda —вода.
Volo —волю.

Всѣ эти слова „должны были начаться купно съ началомъ Славянскаго и Латинскаго народа, для того что они значатъ вещи, необходимо нужныя въ человѣческой жизни и относящіяся къ нравственному и физическому употребленію“.

Другое доказательство древности Славянскаго языка авторъ видитъ въ его географической распространенности. „Отъ горъ Альпійскихъ до Восточнаго океана; отъ Дуная до Ледовитаго моря распростирается ихъ голосъ, Россіяне, Поляки, Болгары, Сербы, Морава, Кроаты, Чехи, Славяне, Литва, Венды и многіе другіе суть какъ бы потомки, отъ него происшедшіе, всѣ показующіе ясно, сколь надобно долгое къ тому было время, чтобъ имъ толь обширно распространиться, и коль силенъ и великъ былъ народъ Словенскій, толикія произведшій поколѣнія. Сіе все разсуждая, какъ возможно спорить противъ извѣстія нашихъ лѣтописцевъ, за долгое время до Рождества

Христова полагающихъ обитаніе Славянъ отъ Чернаго моря до Ильменя и до Бѣла озера".

Всѣ эти соображенія послужили автору основаніемъ для слѣдующихъ заключительныхъ словъ:

„По симъ обстоятельствамъ Россійскій языкъ красотою, изобиліемъ, важностію и разнообразными родами мѣръ въ стихотворствѣ, какихъ нѣтъ въ другихъ, превосходитъ многіе Европейскіе языки, а потому и сожалѣтельно, что Россіяне, пренебрегая столь сильный и выразительный языкъ, ревностно домогаются говорить или писать не совершенно языкомъ весьма низкимъ для твердости нашего духа и обильныхъ чувствованій сердца. Въ столичныхъ городахъ дамы стыдятся въ большихъ собраніяхъ говорить по Россійски, а писать рѣдкія умѣютъ. Сія зараза распространяется и въ провинціи. О образованіи разсудка, о чтеніи полезной Россійской книги, о писаніи на собственномъ языкѣ думаютъ очень мало. Примѣрные писатели всѣхъ народовъ писали на отечественномъ языкѣ, и нѣтъ ни одного заслуживающаго названія примѣрнаго на двухъ языкахъ. Не можно удивляться тому, что греки и римляне писали съ толь неподражаемою и непостижимою истиною, силою, достоинствомъ и красотою; ибо они разсуждали, говорили и писали только на отечественномъ языкѣ. До какого бы цвѣтущаго состоянія довели Россіяне свою литературу, если бы познали цѣну языка своего и старались бы на ономъ изображать свои мысли".

Указанное здѣсь пренебреженіе къ отечественному языку въ тогдашнемъ свѣтскомъ кругу происходило отъ господствовавшаго тогда въ этой средѣ презрительнаго отношенія вообще ко всему русскому и предпочтенія ему всего иностраннаго, преимущественно французскаго. *Собесѣдникъ*, такъ горячо ратовавшій за все русское, не могъ не отмѣтить и этой черты въ жизни современнаго ему общества и помѣстилъ на своихъ страницахъ написанное прекраснымъ, необыкновенно легкимъ для того времени языкомъ стихотвореніе Александра Лабзина:

Французская лавка:

Разврата обошла
Ряды всѣхъ русскихъ лавокъ,
Нигдѣ по мысли не нашла
Ни лентъ, ни шпилекъ, ни булавокъ.
Все было не по ней,
Ей не хотѣлось Русскихъ.

На что дешевыхъ ей?
Ей надобно Французскихъ.
Французское добро годится ко всему,
Хоть дорого, да мило;
А Русское всегда негодно ни къ чему;
Что дешево, то гнило.
Россійскій глупъ народъ,
Не смыслитъ вымышлять различныхъ дамскихъ модъ.

Зайдя въ русскую лавку, она спросила лентъ. Купецъ подалъ ей лучшія, но не дорогія. Но Разврата, основываясь на недорогой цѣнѣ, приняла ихъ за русскія и потребовала французскихъ.

„Въ Французскихъ лавкахъ тѣ-жъ изволите купить,
Отвѣтствуетъ купецъ, лишь только подороже.—
„Ахъ, *Русская свинья*! тебѣ-ль меня учить?
„И вкусъ въ нарядахъ знать твоей ли мерзкой рожѣ?
„Какъ смѣлъ противъ меня разинуть ты свой ротъ?
„Le pauvre diable! *ты, ты глупъ, ты Русской скотъ*".

И разгнѣванная Разврата отправляется къ француженкѣ, у которой товаръ изъ Парижа.

„Парижская жъ дрянца получше Русской дряни,
„Достойна налагать на дамъ Россійскихъ дани".

И вотъ, накупивъ за дорогую цѣну этой „парижской дрянцы", Разврата, вполнѣ довольная, поѣхала домой съ такими мыслями:

„Безсмысленные всѣ скоты вы Россіяне,
„Французы вамъ ли, ахъ, чета!"

Изъ этого краткаго обзора содержанія и судьбы *Собесѣдника* можно убѣдиться, насколько правъ былъ неизвѣстный корреспондентъ этого журнала, приславшій изъ Звенигорода письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ:

„Съ великимъ удовольствіемъ читалъ я ваше изданіе, кое пріятель мой, будучи въ Москвѣ, купилъ и привезъ мнѣ въ гостинецъ. Онъ мнѣ сказывалъ, что только въ Москвѣ и рѣчей, что о сей книгѣ. Говорятъ, что языкъ Россійскій способомъ оной вычистится, слова прямыя опредѣлятся и установятся; что сочиненія русскія размножатся; что сіе изданіе обѣщаетъ и о Исторіи нашей лучшія свѣдѣнія намъ подать, нежели мы до сей поры имѣли; наконецъ, будто и пороки въ посмѣшищество придутъ; обычаи, у другихъ народовъ занятые, а намъ несвойственные, откинутся; что нечувствительно число читателей такъ умножится, что и женщины вмѣсто, чтобъ въ карты

загадывать или по рядамъ безъ нужды ходить, за чтеніе *Собесѣдника* примутся. Я того отъ сердца желаю; но крѣпко уповать не смѣю, потому что съ тѣхъ поръ, какъ начали молодые наши господа ѣздить въ Парижъ, вкрались въ наши нравы непостоянство, охота къ новостямъ и скучливость къ предпріятому. Что же молодымъ нашимъ путешественникамъ я сіе приписываю, въ томъ вы со мною согласитесь, когда вспомните, что у высшихъ перенимаютъ нижніе. Вотъ для чего я боюсь, что скоро *Собесѣдника* вашего въ число забвенныхъ древностей отложа, ни покупать, ни читать не станутъ; да къ тому же въ сочиненіяхъ вашихъ узнавать себя, а потомъ сердиться и придираться къ вамъ будутъ“ [1]).

Но если журналъ княгини Дашковой и ея литературнаго кружка просуществовалъ дѣйствительно недолго и отчасти именно отъ тѣхъ причинъ, на которыя указалъ его звенигородскій корреспондентъ, то дѣятельность этого кружка отъ этого мало пострадала, потому что въ томъ же 1783 году, когда положено было начало *Собесѣднику,* кружку этому представилось другое, болѣе обширное поприще, на которомъ онъ могъ съ большимъ усердіемъ и съ большею пользою осуществить свои патріотическія заботы о чистотѣ и литературномъ усовершенствованіи русскаго языка.

Съ тою же цѣлію, какъ и ея журналъ, основана была въ 1783 году княгиней Дашковой и *Россійская Академія.* Поводомъ къ ея учрежденію послужилъ разговоръ княгини Дашковой съ императрицей Екатериной II въ царскосельскомъ паркѣ въ 1783 году. Предметомъ разговора были красота и богатство русскаго языка.

„Я замѣтила“, разказываетъ княгиня Дашкова въ своихъ запискахъ, „что ничего болѣе не нужно, кромѣ правилъ и хорошаго словаря, чтобы нашъ языкъ вполнѣ освободить отъ иностранныхъ словъ и фразъ, которыя такъ много уступаютъ нашимъ собственнымъ въ выразительности и силѣ и которыя такъ нелѣпо въ него введены“. Послѣдствіемъ этого разговора былъ наскоро набросанный княгиней Дашковой, по приказанію императрицы, планъ образованія Россійской Академіи, который и былъ утвержденъ императрицей, а 30-го сентября 1783 года послѣдовалъ Высочайшій указъ объ учрежденіи Россійской Академіи, предсѣдателемъ которой была назначена княгиня Дашкова.

По уставу Академіи, она должна была имѣть предметомъ своимъ

---

[1]) *Собесѣдникъ*, ч. II, стр. 8—9.

очищеніе и обогащеніе русскаго языка; установленіе употребленія словъ; свойственное русскому языку витійство и стихотворство. Для достиженія этихъ цѣлей должно: *составить русскую грамматику, русскій словарь, риторику и правила стихотворства.*

Членами Академіи избраны были:

Выдающіеся тогдашніе *писатели*: Фонъ Визинъ, Херасковъ, Державинъ, Княжнинъ, Богдановичъ, Хемницеръ, Капнистъ и другіе. Названные писатели всѣ (за исключеніемъ, впрочемъ, Хемницера) были членами литературнаго кружка княгини Дашковой и сотрудниками „Собесѣдника". Впослѣдствіи къ нимъ присоединились, какъ члены Академіи, Дмитріевъ, Крыловъ, Гнѣдичъ, Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ.

Ученые, преимущественно *члены С.-Петербургской Академіи Наукъ*: Лепехинъ, Озерецковскій, Севергинъ, Котельниковъ, Протасовъ, Румовскій и другіе; также *профессора Московскаго университета*: Барсовъ, Десницкій и друг.

Наконецъ, *представители высшаго круга*, заявившіе такъ или иначе свое сочувствіе къ литературѣ: И. И. Шуваловъ, Олсуфьевъ, Болтинъ, Козодавлевъ, протоіерей П. Алексѣевъ, епископъ Дамаскинъ Рудневъ, архимандритъ Аполлосъ Байбаковъ и другіе.

Нельзя при этомъ не отмѣтить слѣдующаго выдающагося обстоятельства: самое дѣятельное участіе въ трудахъ Академіи принимали лица духовныя, составлявшія четвертую долю всего числа членовъ. Они усерднѣе всего посѣщали собранія Академіи, составляя въ нихъ нерѣдко большинство; они же принимали постоянное и видное участіе въ главномъ трудѣ Академіи—составленіи словаря.

При императрицѣ Екатеринѣ II Академія существовала, главнымъ образомъ, на суммы кабинета Ея Величества. При Императорѣ Павлѣ I президентъ Академіи, кн. Дашкова, была сослана, и члены съ минуты на минуту ожидали закрытія самой Академіи. И когда сообщено было имъ извѣстіе, что отпускъ изъ кабинета суммъ на содержаніе Академіи прекращается, академики почувствовали радость, ибо этимъ косвенно признавалось за Академіей право на существованіе, но только уже собственными средствами. Императоръ Александръ I возвратилъ Академіи все отнятое у нея и притомъ за все время, протекшее со смерти Императрицы Екатерины II.

Преемниками перваго президента Академіи, княгини Дашковой, были сначала Нартовъ, а потомъ адмиралъ А. С. Шишковъ, сдѣлавшійся полнымъ ея властелиномъ. При немъ совершенно исчезъ въ

Академіи тотъ привлекательный, благородный характеръ, какой съумѣли сообщить ей княгини Дашкова и ея сотрудники. Несмотря на предразсудки вѣка и свое высокое общественное положеніе, *основой академической жизни княгиня Дашкова признавала начало равноправности.* Точно такъ же думали и остальные первоначальные члены Академіи. Въ одномъ изъ протоколовъ ея сказано: „Крѣпчайшій союзъ, связующій общій господъ членовъ трудъ, состоитъ въ ихъ *равенствѣ*“.

Но въ президенство Шишкова все это измѣнилось. Общество, съ такимъ сочувствіемъ относившееся къ Академіи въ первую половину ея дѣятельности, гордившееся этимъ учрежденіемъ, постепенно стало относиться къ Академіи все равнодушнѣе, холоднѣе и, наконецъ, перешло къ явному нерасположенію. Мало-по-малу съ именемъ Россійской Академіи стало соединяться понятіе застоя, нетерпимости, отсталости.

„Одною изъ причинъ этого, говоритъ историкъ Академіи, М. И. Сухомлиновъ, изъ обширнаго труда котораго заимствованы эти краткія свѣдѣнія объ исторіи Академіи, „было преобладаніе (при А. С. Шишковѣ) *канцелярскаго начала* въ устройствѣ и духѣ Академіи. Эта бюрократическая закваска вѣдалась все глубже и глубже и превратила ученое учрежденіе въ мертвую канцелярію, проникнутую духомъ казенщины и нетерпимости“.

Подобно своему престарѣлому президенту, Академія съ старческимъ безсиліемъ доживала свои послѣдніе дни. 10-го апрѣля 1841 года скончался ея маститый президентъ А. С. Шишковъ. На докладѣ объ этомъ министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова, Императоръ Николай I написалъ: „Представьте мнѣ проэктъ соединенія Россійской Академіи съ Академіей Наукъ“. А 19-го октября, 1841 года послѣдовалъ на имя министра народнаго просвѣщенія Высочайшій рескриптъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано:

„Обращая непрерывное вниманіе на успѣхи отечественной словесности и имѣя въ виду споспѣшествовать ея развитію приведеніемъ занятій учрежденія, которому ввѣрено попеченіе о русскомъ словѣ, въ единство и совокупность съ трудами первенствующаго ученаго сословія въ Имперіи, я призналъ за благо, на основаніи утвержденнаго сегодня положенія и штата, присоединить Императорскую Россійскую Академію къ Императорской Академіи Наукъ, въ видѣ особаго отдѣленія русскаго языка и словесности“ [1]).

[1]) Словарь церк.-слав. и русск. языка, составлен. II отд. Ак. Н., стр. 1.

Подобно тому, какъ предшествовавшее Россійской Академіи Вольное Россійское Собраніе передало своей преемницѣ продолженіе своей дѣятельности и многихъ своихъ членовъ, такъ и Россійская Академія передала второму отдѣленію Императорской Академіи Наукъ какъ свои цѣли и задачи, такъ и многихъ своихъ членовъ: по преобразованіи Россійской Академіи во второе отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ 14 членовъ Россійской Академіи утверждены были академиками Академіи Наукъ, а 35 членовъ сдѣланы были почетными членами ея Втораго отдѣленія.

Просуществовавъ 58 лѣтъ (съ 1783 по 1841), значитъ—гораздо долѣе всѣхъ предшествовавшихъ ей учрежденій, Россійская Академія, состоявшая, особенно въ первую половину своей дѣятельности, изъ передовыхъ людей своего времени какъ въ области литературы, такъ и въ области науки, не могла не дать хорошихъ и обильныхъ плодовъ.

Въ первую, меньшую, но важнѣйшую половину своей жизни, Россійская Академія ознаменовала свое существованіе крупнымъ трудомъ: въ 1789—1794 годахъ появился *Словопроизводный словарь*, изданный Академіей въ шести частяхъ.

Этимъ осуществилась завѣтная мысль, долго лелѣенная многими русскими людьми еще до учрежденія Академіи. Извѣстно, что объ изданіи словаря русскаго языка, кромѣ существовавшаго при Академіи Наукъ Россійскаго Собранія и Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ университетѣ, помышлялъ и Ломоносовъ. И хотя ему не удалось этого исполнить, но за то духъ его незримо носился надъ трудомъ Россійской Академіи, и, по словамъ ея историка, М. И. Сухомлинова, вліяніе Ломоносова, особенно при составленіи словаря, видно во всемъ: въ выборѣ словъ, примѣровъ, въ способѣ ихъ объясненія, въ указаніи особенностей слога, во взглядѣ на литературный языкъ вообще. Въ основу понятій и взглядовъ академиковъ положено разсужденіе Ломоносова „О пользѣ чтенія книгъ церковныхъ“. Изъ сочиненій Ломоносова приведено болѣе всего примѣровъ: изъ всѣхъ, помѣщенныхъ въ Словарѣ примѣровъ изъ произведеній нашей литературы прошлаго столѣтія, болѣе девяти десятыхъ взято изъ сочиненій Ломоносова.

Что касается научнаго значенія изданнаго Академіей Словаря, то оно давно оцѣнено такими выдающимися учеными, какъ Шлецеръ, Карамзинъ, Добровскій и И. И. Срезневскій.

Шлецеръ называетъ Словарь Академіи предпріятіемъ патріотическимъ, потребовавшимъ много работы, усиленной и напряженной, но за то и увѣнчавшейся успѣхомъ.

Карамзинъ, въ своей благодарственной рѣчи въ день ибранія своего въ члены Академіи (5-го декабря 1818 года), такъ отозвался объ академическомъ словарѣ: „Академія Россійская ознаменовала самое начало бытія своего твореніемъ важнѣйшимъ для языка, необходимымъ для авторовъ, необходимымъ для всякаго, кто желаетъ предлагать мысли съ ясностію, кто желаетъ понимать себя и другихъ. Полный словарь, изданный Академіей, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ“ [1]).

Добровскій говоритъ, что изданіемъ своего словаря Академія соорудила себѣ прочный памятникъ, дѣлающій ей великую честь. Словарь ея есть произведеніе, во многихъ отношеніяхъ превосходное.

И. И. Срезневскій въ своемъ замѣчательно безпристрастномъ отзывѣ о Словарѣ Академіи, такъ опредѣляетъ его научное достоинство:

„Въ Словарѣ словопроизводномъ опредѣленія и словопроизводство произвольны, иныя совершенно неправильны; нерѣдко выказывается нетвердое знаніе русскаго языка, еще болѣе незнаніе общихъ началъ языкознанія,—и между тѣмъ въ немъ господствуетъ тонъ диктаторскій такъ, какъ въ словарѣ академіи французской. Но съ другой стороны нельзя не удивляться, какъ много сдѣлала Академія въ одинъ разъ—Академія, не сильная въ своемъ составѣ опытностью филологическою, не предупрежденная въ своей дѣятельности никакими важными приготовительными трудами. Теперь, когда уже нѣтъ надобности пользоваться этимъ словаремъ, можно только съ благодарностью вспомнить о благородной рѣшимости членовъ Академіи и, забывая о несовершенствахъ ихъ труда, глядѣть на него, какъ на начало словарной разработки русскаго языка..... Сравнивая же этотъ словарь русскій со словарями западно-европейскихъ языковъ того времени, нельзя не согласиться, что очень немногіе составлены лучше, сообразнѣе съ потребностями общими“.

Наконецъ, Второе отдѣленіе Академіи Наукъ, въ предисловіи къ изданному имъ Словарю церковно-славянскаго и русскаго языковъ, про Словарь Россійской Академіи выразилось:

„Уже одно собраніе и распредѣленіе словъ, отысканіе примѣровъ употребленія ихъ въ разнородныхъ памятникахъ церковной и гражданской словесности, приведеніе реченій изъ простонароднаго и областнаго быта, кромѣ самаго истолкованія ихъ, составляетъ подвигъ,

---

[1]) Чтеніе въ торжествен. собр. Импер. Росс. Акад. 5-го дек. 1818. С.-Пб. 1818, стр. 28.

увѣнчанный справедливымъ уваженіемъ современниковъ и благодарнымъ воспоминаніемъ потомства".

Въ этомъ отзывѣ Втораго отдѣленія о словопроизводномъ словарѣ Россійской Академіи, въ числѣ достоинствъ этого Словаря указаны: приведеніе реченій изъ простонароднаго и областнаго быта и истолкованіе ихъ. Но откуда же она взяла ихъ? Легко сравнительно сдѣлать это теперь, когда у насъ есть областные словари Академіи Наукъ, Даля и другихъ собирателей, когда въ библіотекахъ Академіи Наукъ, Географическаго общества и его отдѣловъ накоплено громадное количество доставляемыхъ со всѣхъ концовъ Россіи областныхъ словъ и выраженій. Но въ XVIII столѣтіи ничего еще не было сдѣлано, хотя мысль о необходимости собирать эти слова существовала. Первымъ, обратившимъ вниманіе на этотъ неисчерпаемый живой источникъ русской рѣчи, было, какъ мы видѣли, Вольное Россійское Собраніе при Московскомъ университетѣ.

Кромѣ него, мы должны съ глубокою и радостною благодарностью вспомнить почти всѣхъ первыхъ нашихъ русскихъ ученыхъ: Магницкаго, Тредьяковскаго, Ададурова, Ломоносова, Румовскаго, Лепехина, Севергина, Озерецковскаго, Котельникова, Протасова, Соколова, Иноходцева, Захарова, Кононова. Всѣ они, каждый по своей спеціальности, стремились въ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ замѣнять иностранные научные термины русскими и находили въ живой народной рѣчи или готовое уже слово или наглядное указаніе для образованія новаго потребнаго слова. Только благодаря ихъ трудамъ въ этой области, Россійская Академія нашла возможность исполнить, хотя бы только отчасти, плодотворную мысль Императрицы Екатерины II. Въ 1792 г. княгиня Дашкова сообщила Академіи, что Ея Императорскому Величеству благоугодно, чтобы „*въ сочиняемомъ Академіею словарѣ избѣгать всевозможнымъ образомъ словъ чужеземныхъ, а наипаче реченій, замѣняя оныя словимы или древними, или вновь составленными*". Постановивъ: стараться „по крайней возможности" объ исполненіи воли Государыни, Академія нашла богатый матеріалъ въ сочиненіяхъ только что названныхъ мною ученыхъ.

Русская *математическая* терминологія встрѣчается впервые въ трудахъ Магницкаго, Ададурова, Румовскаго, Никитина, Суворова.

Русская *граматическая* терминологія—въ сочиненіяхъ Смотрицкаго, Тредьяковскаго, Ломоносова, Ант. Барскаго.

Русскіе термины *въ области естествознанія*—въ сочиненіяхъ Лепехина, Севергина, Озерецковскаго, Соколова.

Русская *медицинская* терминологія—въ трудахъ Протасова, Зыбелина.

Благодаря усиліямъ и горячему чувству любви ко всему родному вообще и къ родной рѣчи въ особенности всѣхъ этихъ ученыхъ, русская наука заговорила наконецъ русскимъ, для всѣхъ понятнымъ языкомъ, и одно это должно было содѣйствовать распространенію научныхъ знаній въ нашемъ обществѣ, можетъ быть, гораздо болѣе, чѣмъ всѣ внѣшнія мѣропріятія.

Въ 1794-мъ году Россійская Академія приступила къ составленію *Алфавитнаго словаря*, съ переводомъ словъ на латинскій, французскій и нѣмецкій языки. Словарь этотъ оконченъ въ 1822 году. По числу словъ онъ гораздо богаче Словопроизводнаго словаря: въ послѣднемъ было 43.257 словъ, а въ азбучномъ—81.388 словъ. Объ этомъ трудѣ Академіи И. И. Срезневскій даетъ такой отзывъ:

„Азбучный словарь Академіи останется навсегда однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ свидѣтельствъ первыхъ успѣховъ русской науки и лучшимъ памятникомъ усилій Россійской Академіи. Издавши этотъ словарь, она уже могла сказать, что не даромъ существовала".

Такимъ образомъ, съ появленіемъ обоихъ словарей, осуществилась одна изъ главнѣйшихъ задачъ, поставленныхъ себѣ Академіей,—*изданіе русскаго словаря*.

При всѣхъ указанныхъ недостаткахъ этихъ словарей, особенно словопроизводнаго, одно ихъ появленіе было уже крупною заслугой, сильно подвинувшею впередъ отечественное языкознаніе. При тогдашнемъ состояніи наукъ и просвѣщенія въ Россіи недостатки въ подобномъ трудѣ были неизбѣжны. Извѣстный профессоръ Московскаго университета А. Ѳ. Мерзляковъ въ одной изъ своихъ статей писалъ: „Хорошій *словарь* въ глазахъ обыкновенныхъ людей есть обыкновенное собраніе реченій; но въ глазахъ истиннаго философа это есть дѣло великое, требующее предварительныхъ глубокихъ познаній во всѣхъ наукахъ; ибо разбирать слова по ихъ началамъ, производству, измѣненіямъ и взаимному отношенію, есть то же, что разсматривать всю природу въ ея частяхъ, связяхъ и дѣйствіяхъ, непостижимо безчисленныхъ. Языкъ есть изображеніе всего, что существовало, существуетъ и будетъ существовать—всего, что только можетъ обнять и постигнуть мысленное око человѣка. *Потому-то хорошій словарь всегда бываетъ только плодомъ наукъ позднѣйшихъ въ ходѣ образованности народной, плодомъ усовершенствованной уже грамматики и логики*" [1]).

[1]) *Труды* Общества Люб. Росс. Слов., ч. 16-я, стр. 234.

Достоинства же и важность изданныхъ Россійскою Академіей словарей, кромѣ указанныхъ въ вышеприведенныхъ отзывахъ нашихъ ученыхъ, состояли еще и въ томъ, что они послужили родоначальниками для множества иноязычныхъ словарей, въ которыхъ мы тоже сильно нуждались: для „Русско-французско-нѣмецкаго словаря“ Ивана Гейма (1799—1802), для „Новаго и полнаго Россійско-французско-нѣмецкаго словаря“ 1813 года (неизвѣстнаго составителя), для „Ручного Россійско-нѣмецкаго и Нѣмецко-россійскаго словаря“ Шмидта (1815), для „Русско-англійскаго и Англійско-русскаго словаря“ Паренаго 1817, для „Карманныхъ словарей“ (Россійско-нѣмецкаго, 1824—1825, и Русско-французскаго, 1838) Е. Ольдекопа, для „Ручного Россійско-Польскаго словаря“ Станеевича, 1826, и, наконецъ, для „Параллельныхъ словарей“ Рейфа.

Одно это перечисленіе иноязычныхъ словарей, составленныхъ разными лицами и въ разное время по словопроизводному словарю Россійской Академіи, показываетъ, что изданіе этого словаря было заслугой не только передъ русскими, но и передъ иностранцами: нѣмцами, французами, англичанами и поляками, какъ справедливо замѣтилъ А. Красовскій въ статьѣ: „Опытъ исторіи Императорской Академіи“ [1]).

Въ 1794 году Россійская Академія приступила къ исполненію второй своей задачи—составленію *русской грамматики*, для чего образованъ былъ при Академіи грамматическій отдѣлъ. Три раза разсмотрѣвъ и обсудивъ этотъ трудъ, Академія издала наконецъ свою грамматику въ 1802 году. Нѣсколько разъ потомъ переизданная, она представляетъ въ сущности передѣлку грамматики Ломоносова.

Третья мысль Академіи—издать *риторику и піитику*—не осуществилась, хотя попытки и были дѣлаемы нѣкоторыми ея членами. Правда, въ 1811 году Академія издала „*Науку стихотворства*“, составленную профессоромъ Харьковскаго университета *И. Рижскимъ*, но это былъ *личный* трудъ Рижскаго, и Академія участвовала въ немъ только, какъ издательница.

Кромѣ изданія азбучнаго словаря и русской грамматики, къ заслугамъ Академіи *во второй* періодъ ея существованія должно отнести еще одну, тоже весьма крупную и важную, именно: *починъ въ сближеніи съ славянскимъ міромъ*.

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1848, № 12, отд. III. стр. 75—76.

Россійская Академія первая заговорила у насъ о необходимости изучать родственныя намъ славянскія нарѣчія, объ изданіи памятниковъ языка и словесности различныхъ славянскихъ народовъ. Принимая въ свою среду выдающихся славянскихъ ученыхъ, она завела постоянныя сношенія съ славянскими учеными обществами и замѣчательными славянскими дѣятелями: Добровскимъ, Копитаромъ, Колларомъ, Шафарикомъ, Палацкимъ, Ганкою, Караджичемъ. Благодаря ея щедрымъ пособіямъ, появилось немало научныхъ трудовъ на пользу славянства; она же давала славянскимъ ученымъ и писателямъ значительныя средства для собиранія и изданія памятниковъ устной и письменной словесности, для этнографическаго изученія славянскаго міра и т. п.

Чтобы закончить нашъ, хотя и длинный, но, въ сущности, бѣглый обзоръ дѣятельности прежнихъ ревнителей русскаго слова, намъ необходимо остановиться на трудахъ еще одного, много потрудившагося на пользу русскаго слова, учрежденія.

Въ 1811 году основано было при Московскомъ университетѣ *Общество Любителей Россійской Словесности*, первое засѣданіе котораго состоялось въ послѣднихъ числахъ сентября этого года.

„Оно учреждается, сказано было въ 3-мъ параграфѣ его устава, для того, чтобы распространить свѣдѣніе о правилахъ и образцахъ здравой словесности и доставить публикѣ обработанныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ на русскомъ языкѣ, разсмотрѣнныя предварительно и прочитанныя въ собраніи“. На основаніи этого параграфа, какъ сказано въ предисловіи къ первому тому „Трудовъ“ его, въ виду Общества „будутъ, съ одной стороны, *наблюденія и правила, касающіяся вообще до языка* и словесности, а съ другой—собственные опыты“. Поэтому, въ *Трудахъ* Общества помѣщено, между прочимъ, много статей *по исторіи* русскаго языка и по разнымъ, тогда еще не рѣшеннымъ грамматическимъ вопросамъ.

Главнѣйшимъ вопросомъ, обсуждавшимся въ *Трудахъ* Общества, былъ вопросъ *о церковно-славянскомъ языкѣ*, о его происхожденіи, свойствахъ, особенностяхъ, отличіи отъ русскаго и т. п. Въ статьѣ своей: „О славянскомъ и въ особенности церковномъ языкѣ“, помѣщенной въ VII части *Трудовъ* Общества, Каченовскій спрашивалъ:

„Я хочу знать, какой именно народъ говоритъ или говорилъ на этомъ славянскомъ языкѣ, гдѣ онъ обитаетъ, или обиталъ; коренной ли, главный ли языкъ сей, или онъ есть только нарѣчіе другаго? вотъ обширный смыслъ моего вопроса. Ищу отвѣта въ велерѣчивыхъ

писаніяхъ славянолюбцовъ (то-есть, главнымъ образомъ, А. С. Шишкова): нахожу похвалы необъятному богатству, усладительному благозвучію, отдаленнѣйшей древности сего знаменитаго языка; но нигдѣ не вижу его достовѣрной исторіи".

Но пока Каченовскій недоумѣвалъ и тщетно искалъ отвѣта на свои вопросы въ многочисленныхъ разсужденіяхъ о славянскомъ языкѣ маститаго президента Россійской Академіи, скромный и малоизвѣстный въ то время труженикъ подготовлялъ уже сочиненіе, сразу порѣшившее всѣ вопросы. Статья Каченовскаго напечатана въ 1817 году, а черезъ три года, въ XVII части *Трудовъ* Общества, вышедшей въ 1820 году, появилось знаменитое „*Разсужденіе о славянскомъ языкѣ*, служащее введеніемъ къ грамматикѣ сего языка, составляемой по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ" *А. Х. Востокова*, которое, вмѣстѣ съ „Грамматикой церковно-славянскаго языка" Добровскаго, положило главное основаніе славянскому языкознанію.

Между прочимъ, оно вызвало замѣчательную статью извѣстнаго тогдашняго археолога К. Ѳ. Калайдовича: „О древнемъ церковномъ языкѣ славянскомъ", помѣщенную во II части „Сочиненій въ прозѣ и стихахъ", издававшихся Обществомъ вмѣсто его *Трудовъ*.

Другимъ важнымъ вопросомъ, обсужденіе котораго встрѣчается на страницахъ *Трудовъ* Общества, былъ вопросъ *о русскихъ глаголахъ*, грамматическій строй которыхъ совершенно неправильно излагался въ существовавшихъ въ то время грамматикахъ. Главная ошибка состояла въ смѣшеніи прошедшаго времени съ видами глаголовъ.

Первый, кто указалъ и доказалъ эту ошибку, былъ *Алексѣй Болдыревъ*, помѣстившій въ первыхъ же книжкахъ *Трудовъ* Общества (1812 г.) двѣ статьи: „Разсужденіе о глаголахъ" и „Разсужденіе о средствахъ исправить ошибки въ глаголахъ". Статьи эти вызвали, съ одной стороны, цѣлую полемику на страницахъ *Трудовъ* Общества, съ другой—новыя попытки исправить этотъ отдѣлъ грамматики. Изъ этихъ попытокъ надо указать на статьи *Калайдовича*: „О залогахъ глаголовъ русскихъ (въ *Трудахъ* 1824 г.) и „Новая теорія спряженій русскихъ" (въ *Трудахъ* 1826 г.).

Изъ остальныхъ статей по разнымъ вопросамъ русской грамматики, помѣщенныхъ въ *Трудахъ* Общества, нельзя не припомнить статей тѣхъ же Болдырева и Калайдовича *о степеняхъ сравненія*; статью Калайдовича *о родахъ грамматическихъ* въ русскомъ языкѣ; Погодина: „Объ употребленіи *наръчій*"; Саларева: „*О предлогахъ*"; Прокоповича-

Антонскаго: „Мысли *объ удареніяхъ* въ русскомъ языкѣ“; статей Ив. Давыдова и Кошанскаго о русскомъ *синтаксисѣ*; статей Петра Калайдовича, Саларева и Коха *о синонимахъ*; краткаго словаря *омонимовъ* Снегирева, и, наконецъ, статьи Филомафитскаго: „*О знакахъ препинанія*“.

Послѣдняя интересна тѣмъ, что это чуть ли не первая попытка поднять вопросъ о знакахъ препинанія.

„Если вникнуть подробнѣе въ этотъ вопросъ, говоритъ Филомафитскій, то явится уму наблюдателя едва ли разрѣшимый хаосъ, едва ли сообразимое разногласіе. Большая часть пишущихъ ставятъ первый попавшійся подъ перо ихъ знакъ, и притомъ нимало не заботясь, будетъ ли онъ у мѣста, или нѣтъ. Нѣкоторые, хотя и ставятъ знаки не безъ разбору, но постигнуть правила, коими они руководствуются при поставленіи знаковъ, невозможно. А многіе столь хитро утончили свои познанія въ словесности, что знаки препинанія считаютъ почти чѣмъ-то лишнимъ въ оной, или по крайней мѣрѣ нестоющимъ того, чтобы обращать на нихъ вниманіе... На что,—не зная цѣли, не чувствуя пользы,—и употреблять уже знаки препинанія? Когда же сколько нибудь извѣстна цѣль, ощутительна польза: почему не заняться симъ предметомъ внимательно, не объяснить, не опредѣлить его?.. Я знаю людей, еще называющихся литераторами, кои утверждаютъ, что въ разсудительномъ употребленіи знаковъ препинанія не заключается никакой важности. И обыкновенное возраженіе сихъ людей вотъ какое: „пиши хорошо, и всякій пойметъ тебя, всякъ прочитаетъ тобой написанное, хотя бы ты употреблялъ только малую и большую точку“.

Обо всѣхъ этихъ статьяхъ по разнымъ вопросамъ русской грамматики, помѣщенныхъ въ *Трудахъ* общества любителей россійской словесности, авторъ изданнаго Академіей Наукъ „Опыта общесравнительной грамматики русскаго языка“, Ив. Давыдовъ, тоже нѣкогда членъ этого общества, въ предисловіи къ третьему изданію „Опыта“, справедливо сказалъ, что статьи о русскихъ глаголахъ Болдырева, о залогахъ и степеняхъ сравненія И. Калайдовича, разныя статьи Саларева, Филомафитскаго, Кошанскаго и другихъ, „придали грамматикѣ *гораздо высшее значеніе въ сравненіи съ предъидущимъ направленіемъ*“.

Вотъ краткій очеркъ плодотворной для русскаго языка дѣятельности учрежденій, предшествовавшихъ второму отдѣленію Императорской Академіи Наукъ.

Задача, поставленная этому отдѣленію при самомъ его учрежде-

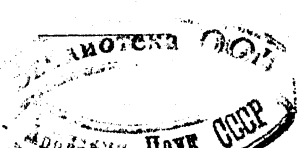
ніи въ 1841 году, была та же, какую преслѣдовала и Россійская академія: *хранить и утверждать языкъ.*

По объясненію самого втораго отдѣленія, „*хранить языкъ* — не значитъ ли приводить въ стройную совокупность всѣ его сокровища, разрозненныя временемъ и мѣстомъ, для приличнаго и отчетливаго по мѣрѣ надобности употребленія? *Утверждать языкъ* — не есть ли выяснять сокровенные законы языка и подчинять единообразію правилъ многостороннюю его знаменательность?“ [1]).

Но о дѣятельности втораго отдѣленія Академіи Наукъ я распространяться не буду: это не входитъ въ мою задачу, да она и не нуждается ни въ какихъ припоминаніяхъ. Ея плодотворная и руководящая дѣятельность у всѣхъ на виду. Изданные имъ десятки томовъ его записокъ, сравнительная грамматика, опытъ областнаго великорусскаго словаря. словарь церковно-славянскій, матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики, издаваемый въ настоящее время Русскій словарь—будутъ вѣчными и незабвенными памятниками его громаднаго значенія въ исторіи русскаго и славянскаго языкознанія.

Точно также навсегда останется незыблемымъ значеніе въ области языкознанія трудовъ такихъ ученыхъ, какъ А. Х. Востоковъ, Г. Павскій, И. И. Срезневскій. Я. К. Гротъ, Ѳ. И. Буслаевъ, В. И. Даль, Потебня и многіе другіе.

Но, какъ ни велики и ни плодотворны были для науки труды предшествовавшихъ поколѣній, научная разработка богатствъ русскаго языка, конечно, не можетъ считаться дошедшею до своего предѣла, дальше котораго ей некуда было бы идти. Все, что сдѣлано до сихъ поръ, имѣетъ исключительно теоретическій характеръ. Пора воспользоваться накопленнымъ богатствомъ научныхъ фактовъ и выводовъ для того, чтобы ввести ихъ въ живой организмъ роднаго литературнаго языка и превратить эти богатые запасы въ его плоть и кровь.



[1]) Словарь церк.-слав. и рус. яз., т. I, предисловіе, стр. 1.